

АЛЛА ОЗОРНИНА

ТЫ – В ИГРЕ!

И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ

БОЛЬШАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Алла Георгиевна Озорнина
Ты – в игре! и другие
ужасные истории
Серия «Большая страшная книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63620366

Ты – в игре! и другие ужасные истории: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-135083-3

Аннотация

В книгу известной писательницы Аллы Озорниной «Ты – в игре! и другие ужасные истории» вошли две повести: «Страшная тайна смартфона» и «Ты – в игре!». Никита живет самой обычной жизнью в поселке Березовка в Забайкалье. Он самый неприметный мальчишка в классе, про него даже не сплетничают. Этим Никита и гордится. Однажды у него оказывается странный смартфон со встроенной непонятной Игрой. Сначала телефон угрожает своему хозяину, потом просит ни в коем случае не разряжать его, а после вовсе отправляет непонятно куда на пару с самой красивой и капризной девчонкой из класса. В этой странной Игре Никите и Рите предстоит ответить на несколько важных вопросов: нужно ли пытаться решить чужие проблемы, если они тебя не касаются? Зачем вообще дружить? Можно ли ради спасения своей жизни оставить друга в беде?

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Страшная тайна смартфона	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Часть II	43
Глава 1	43
Глава 2	49
Глава 3	51
Глава 4	55
Глава 5	59
Глава 6	63
Глава 7	66
Глава 8	70
Глава 9	73
Глава 10	74
Глава 11	78

Глава 12	82
Глава 13	83
Глава 14	88
Глава 15	94
Глава 16	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Алла Озорнина
Ты – в игре! и другие
ужасные истории

© Озорнина А.Г., 2020

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Страшная тайна смартфона

– Теперь твоя очередь! – сказал высокий прыщеватый парень. Он старался казаться спокойным, но его выдавали дрожащие руки и бледно-зеленый цвет лица.

– Ну и как? ТАМ?

– Ничего особенного, – чуть слышно ответил парень. – Я даже испугаться не успел.

«Ага, так я тебе и поверил», – подумал ОН и нехотя лег на отведенное для него место, сложив на груди руки. Жестко и никакого простора.

– Глаза закрой! – послышалось откуда-то сбоку. – Тоже мне, покойничек!

Сверху полилась негромкая душераздирающая мелодия.

На какое-то время ОН «отключил» слух и теперь сосредоточился на своих ощущениях. Н-да... очень даже неприятно. И тесно. Не раскинуться, как в просторной кровати. Потом снова вслушался в музыку и в слова, которые говорили в его адрес. И еле сдержался, чтобы не швыркнуть носом.

– Прощание закончилось! – объявил густой бас. – Закрываем! Крышку давайте!

ОН приоткрыл глаза, и ему показалось, что на него надвигается нечто огромное, обитое красной материей. Шлеп! И стало темно. Совсем темно. Послышался стук. «Вбивают гвозди!» – понял ОН. Стук прекратился, ОН почувствовал,

как его вместе с гробом осторожно приподнимают и плавно опускают вниз.

Бум! Дно гроба ударилось о землю, и сверху, на крышку, стали падать комья земли. Бум! Бум! Бум!

Дыхание перехватило. Казалось, кто-то перекрыл доступ воздуха. Да! Воздуха катастрофически не хватало!

«Это конец», – подумал ОН и зажмурился, хотя и так лежал с закрытыми глазами.

Часть I

Глава 1

Продавец-консультант лучезарно улыбнулся.

– В общем, как пользоваться гаджетом, вы поняли. Думаю, проблем не будет. Если что, приходите, всегда готов помочь.

Конечно же, ни Никита, ни его отец и не подозревали о том, что едва они вышли из магазина, продавец торопливо схватил мобильник и громким шепотом произнес:

– Алло! Слышите меня? Да, это я! Ваша просьба выполнена. Продал, да. Да... Да... Что? Кому? А-а, сыну Алексея Бронникова, врача скорой помощи... Что, не надо было? Не для детской психики, говорите? Ну откуда ж я знал? Предупредить надо!

И, закончив разговор, подумал: «Да, не повезло пацану...»

...Отца уже поджидала машина скорой помощи.

– Ну все, встретимся завтра утром, – сказал он и вдруг рассердился: – Глаза бы не смотрели на твою халабудину! Напялил на себя черт знает что! Тьфу!

Никита не понимал, чем так не нравилась отцу его футболка, на которой был изображен бледный вампир с красны-

ми глазами. На черном фоне вампиреньш Кеша, как его называл Никита, смотрелся просто потрясающе.

Скорая помощь скрылась за поворотом. Никита с растерянным видом рассматривал подарок родителей в честь окончательного окончания восьмого класса. Самым противным было то, что он сам попросил купить ему этот смартфон – так хотелось выглядеть крутым в глазах первой красавицы класса Риты Семикотовой. Ему казалось, что их головокружительные отношения будут длиться всю жизнь. А продлились... два дня. Рита обошлась с ним так же, как и с другими воздыхателями. И теперь этот дорогуший гаджет, на который отец ухлопал почти всю зарплату, вроде бы и не нужен. А ведь Никита пытался отказаться от этого подарка. Даже сегодняшним утром крепко поспорил с родителями. Но отец был непреклонен.

Никита вздохнул и побрел по улице.

«Что же теперь делать?» – вертелось у него в голове.

Продавец, все это время наблюдавший за ним из окна, тоже вздохнул и принялся разбирать поступивший товар.

«Что же теперь будет?» – вертелось у него в голове.

Глава 2

Ярко-желтый диск солнца слепил глаза. На тополях проклюнулись нежные светло-зеленые листочки.

Никита взглянул на часы. До начала генеральной репети-

ции спектакля по повести Гоголя «Вий», в которой он играл роль Хомы, оставалась уйма времени. Именно с этого спектакля и должен был начаться праздник районного масштаба «Ночь в библиотеке». Идти в библиотеку и болтаться там час с лишним не хотелось. Идти домой... Конечно, можно было бы помочь маме по хозяйству, но с таким настроением... С таким настроением вообще ничего не хотелось делать.

Вот ведь как бывает: два дня ошеломительного счастья – и две недели бесконечных переживаний, вопросов: почему так получилось, что я сделал не так, как теперь жить дальше?

В синем-пресинем небе, громко щебеча, приветствуя первый теплый, почти что летний день, носились ласточки; стая бесхозных собак, высунув языки, лениво переходила через дорогу, чтобы устроиться в каком-нибудь прохладном месте.

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, Никита решил по-пробовать себя в качестве фотографа. Если уж случилось так, что он стал обладателем навороченной техники, значит, надо ее освоить.

Поселок, в котором жил Никита, как ни странно, назывался Берёзовкой и был районным центром, разумеется, Берёзовского района.

Странность в названии заключалась в том, что здесь почти не росли березы. Здесь вообще ничего не росло, кроме чахлых тополей да яблонь-дичков на приусадебных участках. Да и то не на всех. И редких сосенок на самой окраине Берёзовки.

Улица, по которой шел Никита, упиралась в ярко-розовую от цветущего багульника сопку. Сопками их поселок был окружен со всех сторон, но та, на которую сейчас был обращен его взгляд, была особенной. Называлась она Дунькиной – с ее почти отвесной каменистой стороны в начале XX века сбросилась горничная лесопромышленника Хохрякова, Дунька. История эта имела несколько интерпретаций, но многие уверяли, что никакая Дунька с этой сопки не сбрасывалась, просто кто-то ее так назвал, а потом придумал легенду.

С этой местной достопримечательности и решил Никита начать карьеру фотографа. Но не успел он навести камеру смартфона на объект съемки, как почувствовал сильный удар сзади. Никита обернулся и похолодел: перед ним стоял сын директора библиотеки Арсений Булдыгеров.

Арсений внушал ему такой же ужас, как и висячий мост через реку. Увидев его еще издали, Никита обычно стремительно перебежал на другую сторону улицы, а то и вовсе прятался за угол.

– А ну-ка, че там у тебя? – спросил Булдыгеров-младший, выхватывая смартфон. – Новый?

В висках у Никиты застучало. В животе закололо. Он испуганно кивнул.

– Отец купил?

Никита опять кивнул и втянул голову в плечи.

– Вот-вот, а говорят, врачи плохо живут! А ну-ка, сфо-

тай меня! – Буддыгеров отошел в сторону и состроил рожу – скривил рот, выпучил глаза и закатил их к небу. Его и без того некрасивое лицо стало похожим на лицо злобного монстра из фильма ужасов. – Ну!

Никита коснулся экрана.

– А ну покажь, че получилось? – Арсений снова выхватил смартфон. – Хочешь сказать, это – я? Совсем оборзел? – Он изо всех сил швырнул дорогой гаджет в ближайший огород. – Чтоб никогда тебе его не найти!

Настроение у Никиты совсем упало. После каждой встречи с Буддыгеровым он чувствовал себя жалким и ничтожным. Он перелез через изгородь, отыскал в сухой земле подарок родителей, вытер его носовым платком и решил, несмотря ни на что, продолжить начатое дело.

Миновав несколько домов, Никита остановился возле трехэтажного здания районной администрации. Вот, пожалуй, место, достойное и кисти художника, и объектива фотографа. Напротив администрации, на небольшой центральной площади, на которой с некоторых пор возобновились первомайские демонстрации, возвышался монументальный памятник Ленину с поднятой правой рукой. После недавнего набега вандалов вождь мирового пролетариата стал одноруким.

Никита отошел подальше так, чтобы в кадр попали и здание, и вождь пролетариата, прикоснулся к кнопке и... То, что появилось на экране, заставило его тут же забыть и об

обиде на Риту, и о Булдыгерове-младшем. И обо всем на свете...

Глава 3

Рита Семикотова была очень сильным, целеустремленным человеком. Так, по крайней мере, считала она. И ведь не зря.

Судьба посмеялась над Ритой дважды.

Во-первых, жила Рита не в каком-то большом городе, а в маленьком поселке, который находился к тому же не просто в глубинке России, а даже в глубинке края. То есть, в глубинке глубинки. Конечно, были люди, которые и здесь ухитрились чувствовать себя счастливыми, но Рита была уверена, что в такой дыре может себя чувствовать счастливым только тот, у кого совсем нет мозгов.

Второй ее бедой была фамилия. Семикотова! При ее-то необыкновенной внешности! Ну почему ей так не везет? Почему у этой дуры Князевой, у которой, как говорит мама, ни кожи ни рожи (впрочем, мама отзывалась так обо всех представительницах Берёзовки), такая замечательная фамилия? Почему, почему, почему?

Но... Рита не позволяла себе унывать. Во-первых, уже этим летом, ну, в крайнем случае осенью, они всей семьей переедут в Москву (а уж там-то ее наверняка заметит представитель какого-нибудь модельного агентства). А во-вто-

рых, другая фамилия для девушки, как говорится, дело наживное.

Рита никогда не сидела без дела. И в то время, как ученики березовской школы корпели над учебниками да копались в огородах, помогая своим родителям (то есть занимались, по мнению Риты, абсолютной ерундой), она, открыв свой любимый ноутбук с красным корпусом (отец по ее настоянию откуда-то выписал за бешеные деньги), держа в руке огромный бутерброд (чтоб лишний раз не отвлекаться), изучала на различных сайтах новости знаменитостей шоу-бизнеса. Ну, что там нового в личной жизни у Бузовой? А у Тимати? А у Егора Крида? Впрочем, гораздо важнее были для нее даже не закулисные интриги, а то, как держатся эти звезды. Как улыбаются. Как одеваются. Как разговаривают. Как смеются. Как встают и садятся. Как кланяются. Какие жесты предпочитают. Как ведут себя в разных ситуациях. Все это Рита, держа одной рукой бутерброд, а другой водя по коврику красной мышкой со стразами Swarovski, впитывала, впитывала и впитывала... А когда с бутером было покончено, начиналась вторая часть ее самообразования. Практическая. Это ведь только глупые курицы, которые ее окружают, считают, что для счастливой жизни нужны знания. Рита была уверена – для счастливой жизни нужна ухоженная внешность, прекрасные манеры и умение обзаводиться связями.

Практические навыки не всегда давались легко. И все-таки дело шло! В арсенале у Риты уже насчитывалось 17 раз-

новидностей улыбок, 18 (пока еще!) разновидностей смеха, начиная от тихого, почти неслышного, и заканчивая оглушительным хохотом, 11 разновидностей приподнимания бровей (то правой, то левой, то двумя сразу), плюс всевозможные подергивания плечиком (или плечиками).

Особенно долго и мучительно Рите пришлось работать над голосом. Зато теперь она могла то нежно ворковать (правда, пока еще только сама с собой), то визжать как резаный поросенок. Было, конечно, и множество промежуточных вариантов, но пока еще только в запасе. С одноклассницами она общалась, добавляя в голос изрядную долю металла – ну как еще говорить с одноклеточными?

Понятно, что Рите пришлось отрабатывать и походку, и жесты, и умение элегантно садиться, а не плюхаться на сиденье, словно мешок с песком, как это делают ее ровесницы. А сколько времени у нее отняло искусство макияжа и маникюра! Зато теперь в Берёзовке невозможно было найти ни одного человека с такими красивыми ногтями! А если учесть, что в поселке не было маникюрного салона, то только Рита могла похвастаться эксклюзивно обработанными и разрисованными ноготками.

Словом, другого определения для Риты, кроме как великая труженица, как человек, слепивший себя сам, подобрать было просто невозможно! И только иногда, для разрядки, Рита позволяла себе посмотреть по телеку или по компу что-нибудь не обучающее, а так, для интереса. «Битву экстрасен-

сов», например.

...Наконец, наступил последний день школьных занятий. Рита ликовала! Это означало, что еще немного – и она больше никогда не увидит порядком надоевшие лица! Еще, еще немного – и прощай, Берёзовка! Здравствуй, столица!

К тому же оценки в дневнике у Риты были такие, что любая московская школа сочтет за честь иметь способную ученицу. Почти круглая отличница! Почти, потому что англичанка все-таки ухитрилась поставить ей четверку за год. Ладно, хоть четверку, а то ведь и вовсе грозилась вклеить трояк!

К счастью, теперь все позади. Осталось только выступить на этом странном празднике «Ночь в библиотеке», и можно готовиться к переезду. Когда, интересно, это случится? В июне? Июле? Августе? Впрочем, это уже неважно. Главное – скоро, очень скоро у нее начнется новая, настоящая жизнь!

Так думала Рита, собираясь на выступление. Подошла к зеркалу и замерла. Глазам больно! Такой ослепительно красивой она еще не была! Новое платье нежно-розового цвета, привезенное мамой из Парижа, благодаря множеству невесомых оборок, отходящих от бедра, подчеркивало ее осиную талию, высоченные шпильки удлиняли и без того стройные ноги. Длинные, спадающие крупными волнами светлые волосы, делали ее образ нежным и беззащитным. Рита вообразила себя прекрасной юной феей, прибывшей в Берёзовку из сказочной страны. Отошла на несколько шагов назад, повернулась вправо, влево – так и есть! Только вот туфли немного

тесноваты и не очень удобны... Ну, это мелочи!

На всякий случай Рита извлекла из кучи брошенной вразнобой обуви другие, поскромнее. Примерила несколько пар. Стоять и ходить в них было, конечно, удобнее, но тогда она была уже не феей, а просто красивой девочкой. После нескольких минут мучительных раздумий Рита все-таки выбрала шпильки. Уж час-другой-то она вытерпит небольшой дискомфорт.

Ну что ж, пора заняться лицом. До начала репетиции оставался час – за это время она как раз успеет привести себя в порядок.

Глава 4

«Не может быть», – прошептал Никита и снова навел смартфон на здание администрации.

Щелк! На экране появилось то же самое, что и в предыдущий раз: вместо центральной площади – заросший прошлогодним бурьяном пустырь, памятника вождю революции не было и в помине, а на месте привычного трехэтажного здания районной администрации стоял большой деревянный дом с вывеской «Амбулатория».

Возле амбулатории толпился народ. На женщинах были бесформенные блузки и длинные, до пят, широкие юбки. Мужчины, к которым, пожалуй, больше бы подошло слово «мужики», были одеты в свободные серые рубахи навывпуск

и просторные штаны, заправленные в сапоги. Один из мужиков со зверским выражением лица, похожим на то, какое несколько минут назад скорчил Булдыгеров-младший, изо всех сил махал кулаком.

Мимо него, высунув язык, бежала облезлая рыжая собачонка. Никита выждал несколько минут и сделал новый снимок – все оставалось по-прежнему, только мужик опустил руку, а собака успела отбежать в сторону.

Никита застыл, уставившись на экран смартфона. Что это? Сон? Помешательство? Мистика? Что-то неизвестное науке?

Может, они с отцом приобрели неисправный гаджет? Чтобы проверить свое предположение, он включил режим видео, посмотрел и облегченно вздохнул. Все нормально – на экране появилось то, что он только что снимал – площадь с одноруким Лениным, входящие в администрацию люди, пробежавшая по тротуару кошка...

Почему же, когда дело касается фотографий, происходит что-то непонятное? Может, стоит обратиться к продавцу, разобраться? Но, прежде чем идти в магазин, Никита решил еще что-нибудь сфотографировать. Может, на этот раз не будет сбоя?

Он двинулся на соседнюю улицу, к единственным в поселке двум пятиэтажкам. Вот и они. Перед пятиэтажками возвышалась огромная свалка мусора площадью с небольшой спортивный зал. Над свалкой, несмотря на то что был все-

го-навсего первый теплый день, уже носились со счастливым жужжанием большие зеленые мухи.

Щелк! – взглянув на изображение, Никита невольно оперся о стоявший рядом тощий тополь. Вместо пятиэтажек запечатлелся длинный серый барак с закопченными окнами. Перед баракom, на растянутой между двумя тополями веревке, висело несколько застиранных панталонов и простыней. А перед ними, как раз на том месте, где раскинулась свалка, – большая грязная лужа, в которой лежала огромная упитанная свинья.

Никита взглянул на часы. С этим странным смартфоном время несло как угорелое. Что же делать? Если идти в магазин, то он опоздает на репетицию, если не идти, то у него есть еще целых полчаса, чтобы что-нибудь сфотать. Ведь чем больше будет необычных фотографий, тем проще продавцу-консультанту разобраться с поломкой гаджета. Может, его вообще нужно заменить.

Приняв решение, Никита двинулся в сторону школы.

Березовская школа располагалась в здании бывшей казачьей тюрьмы возле леса (если так можно назвать редко растущие чахлые сосенки), со стороны которого на нее надвигалось поселковое кладбище. С каждым годом кладбище расширялось, и вот уже из окон классов видны свежие холмики с надгробными плитами.

Несмотря на строгие запреты учителей, дети предпочитали играть на переменах не во дворе, а на погосте. Кладби-

ще завораживало. Кладбище пугало. Кладбище манило своей непостижимостью. Чем дальше в лес, тем меньше было оградок, тем больше было плит, ушедших наполовину в землю. На ту часть погоста дети старались не ходить, недолго и провалиться в какую-нибудь могилку. Но Никита однажды набрался храбрости и пошел туда, куда даже взрослые ступать боялись. Правда, и неся оттуда пулей, хотя ничего особенного не увидел. Но почему-то надолго запомнил скромный памятник, на котором было написано: «Здесь покоится прах добрейшего и честнейшего раба Божьего Ивана Петровича Веретенникова, приказчика М. Хохрякова, жившего с 1886 по 1925 гг.».

Никита подошел к школе со стороны кладбища. Щелк! – и на экране высветилась колючая проволока с охранниками в странной форме.

Ему опять стало не по себе. Он опустился на стоящую рядом лавочку и, только немного придя в себя, понял, что лавочка эта совершенно новая и стоит на чьей-то свежей могилке. Но сил подняться у него не было...

Нехорошие предчувствия охватили Никиту. Жизнь, такая понятная еще час назад, стала вдруг странной и непредсказуемой. Что происходит? И только ли с ним? Или, может, со всеми?

Чья-то прохладная ладонь легла ему на плечо...

«Мертвяк!» – подумал Никита и от ужаса закрыл глаза.

– Вот, приходил на могилку к родителям, – услышал он го-

лос учителя физики Юрия Николаевича и облегченно вздохнул. – А ты что здесь делаешь?

– Я... я... мне... – начал Никита.

– Пойдем со мной. И все расскажешь.

– Ага, – шумно выдохнув и чувствуя небольшой прилив сил, Никита поплелся следом.

Учитель подошел к скамейке у школы.

– Садись. Бледный, как смерть. Что-то произошло?

На душе у Никиты полегчало: хоть кому-то он сможет рассказать о том непонятном, странном и пугающем, что случилось с ним за последний час.

– Н-да, интересная штука, – произнес Юрий Николаевич, выслушав его сбивчивый рассказ. – Дай-ка мне это чудо техники, хоть в руках подержу. – Никита протянул смартфон. – Хм, так-так, что тут за фотографии...

По окаменевшему лицу учителя он понял, что случилось что-то... не очень хорошее. А может, даже плохое. – Ну-ка, посмотрим настройки, – сказал Юрий Николаевич сдавленным голосом. – Та-ак... Предупреждение видишь?

– Ага...

– Читал?

– Нет.

– Смотри. Выделено жирным шрифтом. «Предупреждение владельцам смартфона. Компания оставляет за собой право начать игру с пользователем в любой удобный для нее момент...» Та-ак... что там дальше? Ага, видишь? Вот

здесь: «Если в это время смартфон окажется недостаточно заряженным, то за исход игры компания ответственности не несет».

– Что за игра? – дрожащим от волнения голосом спросил Никита. На его старом – обыкновенном, кнопочном, который Рита почему-то называла «деревянным», – телефоне тоже была игра, да не одна, но играть или нет, всегда решал он.

– В принципе, ничего особенного, – успокоил его учитель, но лицо его оставалось напряженным. – Главное – следить, чтобы он всегда был заряжен. Только и всего.

– А если игра... начнется, – еле ворочая языком, спросил Никита.

– Начнется, так и сыграешь, – сказал Юрий Николаевич. – Думаю, что это даже интересно. Я, если честно сказать, завидую тебе белой завистью. Счастливчик! Мне бы такой смартфон! – он взглянул на часы. – Все, мне надо бежать. Да и у вас вот-вот начнется репетиция.

Юрий Николаевич сунул Никите смартфон, поднялся со скамейки и пошел прочь быстрым шагом.

Никита посмотрел ему вслед. На душе полегчало. Теперь все, что происходило, воспринималось совсем по-другому. Подумаешь, игра начнется! Начнется, так он, Никита, и сыграет. Но тут же вспомнился взгляд учителя, окаменевшее лицо, когда тот рассматривал фотографии... Его определенно что-то напугало. Но – что?

В растрепанных непонятных чувствах Никита двинулся к

библиотеке. Вот-вот должна начаться репетиция.

Глава 5

Рита обвела глаза толстой черной подводкой – и они сделались такими огромными, что она стала похожа на сову, прилепила накладные ресницы, большими темно-синими кругами обозначила веки, на щеки наложила румяна, чтоб оттенить белизну кожи, и, наконец, нанесла на губы блестящую розовую помаду – как раз в тон платью. Хороша, ой хороша! Жаль вот только, что в этой дурацкой Берёзовке оценить ее некому.

Из кухни донесся мамин голос:

– Ну знаешь ли, пупсик...

Так грозно слово «пупсик» еще никогда не звучало. Оно как будто бы было выковано из стали с изрядным добавлением чугуна. Обычно тон матери в разговоре с отцом менялся с нежного на требовательно-суровый где-то на третий или четвертый день ее пребывания в Берёзовке. Соответственно, менялся и «пупсик». Ну а потом пупсик превращался в изверга, исчадие ада, несчастье на всю жизнь... И, разумеется, в человека, с которым у нее давно уже нет ничего общего. От отчаяния мать начинала рыдать, заламывать руки, бить посуду и срочно покупать билет в следующее турне. А что ей еще оставалось делать?

Рита приблизилась к кухне. Что случилось? Чем на этот

раз отец довел бедную женщину до нервного срыва?

То, что услышала Рита, лишило ее сил. С трудом, по ступеньке дойдя до своей комнаты, она взяла пуф, перетаскала его в коридор и, совершенно ослабевшая, села, опершись спиной о стену. Стена оказалась очень холодной, но Рита не обращала на это внимания. Фразы падали на нее, как тяжелые камни, и от каждого услышанного слова ей становилось все хуже.

– И что, я теперь не смогу съездить даже в Турцию? – визжала мать.

– Что значит «даже»? – послышался усталый голос отца. – Теперь, Марина, ты уже вообще никуда не сможешь съездить. По крайней мере, в ближайшие три-пять лет. А может, и вообще никогда!

Бах! – разбилась чашка. Бах! – разбилась большая тарелка. Рита за многие годы разбирательств родителей легко могла отличить, что разлеталось на осколки.

– Ты вообще думаешь, что говоришь? – продолжала визжать мать. – Как ты представляешь мое пребывание в этой дурацкой Берёзовке? С ума, что ли, сошел?

– Марина, пойми, мы разорены! Вчера я продал машину. Сегодня выставил на продажу коттедж! Правда, даже представления не имею, кто его сможет купить... Разве что кто-то из приезжих. Так сюда не едет-то никто...

– Какой коттедж?

– Какой-какой? Тот, в котором мы живем!

У Риты закружилась голова, и она вцепилась в ручку туалетной двери.

Бах! В ход пошла тяжелая артиллерия – венецианский хрусталь.

– Марина, пойми, меня крепко подставил партнер! Я верил ему, как себе...

– Ну, это ты можешь!

– А он оказался подлецом, каких мало!

– Вот-вот! Верь больше людям!

– Ну а как же без этого?

– Подожди, Леня... А когда же Москва?

– Что – Москва?

– Мы же хотели переехать в Москву! Этим летом! Леня!

– Услышь меня, Марина! – почти закричал отец. – Не поедем мы в Москву, не поедем! Здесь будем жить! Мы разорены, Марина, пойми ты это!

– Ну а... ребенок?

– Какой ребенок? У тебя есть ребенок? – страшно захохотал отец.

– Прекрати издеваться! Что теперь с Ритой?

– А что с Ритой?

– Ну она же... мы же в Москву...

– Рите придется взяться за ум... Осваивать школьную программу, догонять класс.

– Так у нее же одни пятерки!

– Ой, не смей меня, Марина! Можно подумать, что ты не

знаешь, откуда эти пятерки! Не давал бы я на ремонт школы кругленькую сумму каждый год, плюс еще в течение года не подбрасывал бы денежку, быть бы Рите круглой... двоечницей. Так что за ум придется нашей дочери взяться так же, как и тебе...

Ба-бах! В ход пошла супертяжелая артиллерия – судя по всему, мать метнула в отца чугунную сковороду.

Теперь стена стала не просто холодной, она стала ледяной. Но Рите было не до этого. Ее волновали услышанные только что слова.

...На негнущихся ногах, оставив пуф посреди коридора, Рита вышла на улицу и побрела на репетицию.

Идти на высоченных шпильках было неудобно, к тому же туфли на самом деле оказались маловаты, и пальцы упирались в носки, а пятки – в задники. Но Рита не замечала этого, так же, как не замечала ни распускающихся на тополях нежно-зеленых листочков, ни надвигающейся с запада огромной лиловой тучи. В голове звучали слова: «Мы разорены, Марина, мы разорены...», «Значит, Рите придется взяться за ум...».

Последняя фраза была особенно ужасной. Получалось, что теперь вместо того, чтобы блистать на столичных подиумах, ей нужно будет зубрить математические формулы, иностранные слова, постигать дурацкие дисциплины! Нагонять упущенную программу! С ума сойти!

Рита с трудом доплелась до библиотеки, вошла в читаль-

ный зал, достала из-за стеллажей с книгами бутафорский гроб, в котором должна лежать Панночка – то есть она, и без сил плюхнулась в него.

– Глянь, на Семикотовой-то лица нет! – толкнула в бок вурдалак Князева вурдалака Грязеву. – Зеленая, как ботва!

– Точно!

– Довыпендривалась! – обрадовалась вурдалак Зюзева.

– Ну а что ей? Вот смотрите, платье-то опять, поди, французское!

– Да-а, платье во-о-ще! А туфли! Умереть не встать! А морда зеленая! С чего?

– Да кто ж их знает? Этих богатых разве поймешь?

Всего этого Рита не слышала. Она лежала в гробу и еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

Глава 6

После быстрой ходьбы Никита почти успокоился. «Подумаешь, игра, – размышлял он. – Начнется, значит, сыграю. А может, и не начнется. И неизвестно еще, что лучше». И несмотря на то, что репетиция должна была вот-вот начаться, он бросился за здание библиотеки, туда, где, наверное, уже лет сто валялся всякий хлам: старая мебель, доски, афиши, поломанные лавочки и разных размеров ящики, отошел в сторону, навел камеру на свалку и... что же? На экране высветился сад с цветущими яблонями-дичками, в глубине

которого стояла беседка из резного дерева, а в ней, спиной к Никите, сидела девочка в голубом платье.

Теперь Никита даже радовался фортелям, которые выкидывал смартфон. Ни у кого такого нет! Он представил, какими будут лица у пацанов, когда они увидят, что вытворяет его новый гаджет, сказал себе: «Йес!», за несколько секунд обогнул библиотеку, вбежал в дверь и... налетел на маленьких упырей-первоклашек. Они облепили его со всех сторон, один даже ухитрился залезть Никите на плечи и никак не хотел слезать. Прошло несколько минут, прежде чем он сумел отвязаться от «нечистой силы» и наконец-то вбежать в читальный зал, в котором проходила репетиция.

– Еще один опоздавший! – закричала Екатерина Александровна. – С ума с вами сойдешь!

– Ой, какая смешная футболка! – засмеялась вурдалак Князева, показывая на вампира Никиты. – Клево!

– Я тоже такую хочу!

– Где взял?

– Семикотова, выходи из гроба! Полежала – и довольно! Это тебе не диван! – рассердилась Екатерина Александровна. – Вий, прекрати заигрывать с вурдалаками! Сколько можно говорить?

Рита не двигалась с места. В нарядном розовом платье, в блестящих туфлях на высоченном каблуке, скрестив на груди руки, она продолжала лежать с закрытыми глазами. На каждом длинном, тщательно обработанном пунцовом ногот-

ке был нарисован крошечный синий цветочек с крошечными зелеными листочками. На конце каждого ноготка была просверлена дырочка, в которую была продернута серебряная цепочка, а на цепочке висело малюсенькое серебряное сердечко. Разумеется, тоже из Парижа!

– Все за собой убирай, – сурово сказала Екатерина Александровна, когда Рита нехотя поднялась. – Ну что ты, Семикотова, как неживая? Быстрее!

Медленно ковыляя на шпильках, Рита потащила за ширму склеенный из картона гроб.

– Да, Семикотова, и в перерыве сними, пожалуйста, макияж.

Рита остановилась.

– Вы че, с ума сошли?

– И накладные ресницы – тоже! Так, а ну-ка, подойди-ка ко мне! Руки покажи. Боже мой! Ну что с тобой делать?! Ну как ты будешь играть ведьму с такими ногтями? Да еще с какими-то сердечками! И перестань жевать жвачку!

– Ну уж маникюр я убирать не буду! Столько времени на него ушло! И макияж снимать – тоже!

И выдула изо рта огромный зеленый жвачечный пузырь. А потом тут же втянула его обратно. Нате вам!

– О господи! – простонала Екатерина Александровна.

Девчонки злорадно переглянулись. Потом засмеялись. Еще бы! У всех дома приусадебное хозяйство, скотина, огород – какой уж там маникюр? А эта не просто наманикюрит-

ся – еще и цветочки с листочками-лепесточками на ногтях нарисует, а тут еще и сердца какие-то прицепила. Видать, совсем делать нечего!

– Че ржете? – закричала Рита, и ее ярко покрашенные губы некрасиво изогнулись.

– Семикотова, прекрати сейчас же! – тоже почти закричала Екатерина Александровна. – Быстро снимай косметику!

Рита снова выдула изо рта пузырь, потом снова втянула его обратно и сказала:

– Прям! – И дернула плечиками. – Не дождетесь!

Глава 7

– Ну! – начало репетиции ввергло Екатерину Александровну в шок. Оказалось, что никто не помнит слов! С ума сойти! Что скажут коллеги, что скажет директор библиотеки Булдыгеров?

Вот и Семикотова совершенно не знает, что говорить!

Рита тем временем стояла посреди сцены и судорожно пыталась вспомнить текст. Куда там! Голова кружилась, по телу разлилась отвратительная слабость, пальцы на ногах, кажется, совсем согнулись и больно упирались в носки туфель. Рита приподнимала то одну, то другую ногу: приподнятой ногой на время становилось легче.

– Че это с ней? – вурдалак Князева наклонилась к вурдалаку Грязевой. – Ногами-то чего переступает? Как лошадь!

– Понятия не имею. Шарик за ролик, видно, зашли.

– Ага! Или ролик за шарик!

– Тихо! – прикрикнула на вурдалаков Екатерина Александровна. – Ты что, Семикотова, стоишь как цапля? Встань нормально и говори!

«Мы разорены, Марина, мы разорены... – звучал в голове голос отца. – Какая Москва? Берёзовка, только Берёзовка!»

– Сейчас очередь Хома, – подсказала вурдалак Князева.

– Точно! – согласилась Екатерина Александровна. – Бронников, ты-то чего молчишь? Думаешь, если напялил эту дурацкую футболку, то все позволено?

Никита усиленно морщил лоб, тер руками виски и... хоть бы одно слово всплыло в памяти! Текст всей пьесы он знал назубок, но сейчас думалось о другом – о реакции одноклассников после того, как он покажет возможности смартфона.

– Нет, это сумасшествие какое-то! – взорвалась Екатерина Александровна. – До начала спектакля двадцать минут, а мы даже слов не знаем!

Никита еще сильнее наморщил лоб, в мозгах прояснилось.

– Это... А! Философ Хома Брут был нрава веселого! Дальше... это... Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал трепака.

Очень быстро небольшая часть постановки, в которой бо-

гослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий нашли место для ночлега, была преодолена, и, наконец, дошла очередь до Риты. Но у той в ушах продолжали звучать слова отца о том, что они разорены и что коттедж выставлен на продажу.

– Пусти, бабуся, переночевать, – уже в пятый раз повторил окончательно пришедший в себя Никита.

– Ну? – вышла из себя Екатерина Александровна. – Семикотова, хватит спать!

– А, ну да, – будто проснувшись на самом деле, сказала Рита и вдруг вспомнила: – Я знаю этих философов и богословов. Если таких пьяниц начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли! Пошли! Тут вам нет места!

– Ладно, побереги голос. Отдыхай. Итак, тихо! Все ко мне! – Екатерина Александровна захлопала в ладоши. – Праздник начнется через двадцать минут! Сверим время!

Все вытащили телефоны, согласно закивали.

– Итак, все свободны, но из библиотеки никуда не выходить! Ни-ку-да!

Все двинулись к дверям.

– Сюда, сюда, – замахал руками Никита, первым выскокивший в вестибюль, – вставайте скорей, фотографировать буду! Такое увидите!

– Удивил! Как будто мы фоток не видали!

– Таких не видали!

– Ой, не болтай!

– Насильно не заставляю. Не хочешь – не надо!

– Куда вставать-то?

– Ну куда-куда? Вон, хотя бы к той колонне! Вот так...

Человек пятнадцать вместе с упырятами облепили колонну и замерли в одной позе.

– Чи-из! – сказал Никита. – Снимаю! А ну-ка... Готово!

Все сгрудились возле него.

– А мы-то – где? – тыча пальцем в экран, недоумевал Димка Скворцов.

– Ой, правда, куда все подевались?

– Мужик какой-то... С бородой... Видите? Идет куда-то...

– Ну прям как живой...

– А вон там, смотрите, диван и кресла. А здесь – нет.

– А фон-то какой темный! Здесь-то светло!

– Да че вы? – громко сказал Ключкин. – Это же прикол!

– Ага, прикол, – обиделся Никита. – Ну давай, ты теперь всех приколи!

– И приколю! Вон возле дверей встаньте! Ага, снимаю! Готово! Та-ак, посмотрим... Что это? Вообще никого... Да отойдете вы, или нет! – это он сказал болтающимся под ногами упырятам. – До чего надоели!

Рита издалека наблюдала за происходящим. Но подойти не решалась – она всегда держалась обособленно. По привычке взглянула на себя в зеркало, но даже собственная красота сейчас не радовала. Зачем это дорогущее платье с неве-

сомыми оборками, зачем эти высоченные шпильки, к тому же очень неудобные, зачем яркий макияж и серебряные сердечки, вдетые в каждый ноготок, если переезд в Москву отменяется, и, возможно, ей до конца жизни придется видеть эти противные лица!

Впервые в жизни ей захотелось хоть кому-нибудь рассказать о постигшем их семью несчастье, услышать хоть одно сочувственное слово... Но – кому? Князевой, Грязевой, Зюзовой? Так они еще, глядишь, и позлорадствуют...

Тем временем вокруг Никиты собиралось все больше и больше народу.

«Что же все-таки там происходит?» – думала Рита. Ну, появился у него смартфон, которых у нее перебивало, наверное, не меньше десяти, ну, фотографирует он всех – ну и что? Почему такой ажиотаж?

– А пойдете вверх! – предложила вурдалак Князева. – Что, интересно, там?

Все рванули вверх по лестнице, и впереди всех – маленькие упырята. Немного постояв, поковыляла и Рита.

Глава 8

Между тем солнце медленно подбиралось к сопке, за которую должно было закатиться. Подул прохладный ветер. А с запада, как раз от Дунькной сопки, надвигалась плотная сине-серая туча.

Возле деревянного двухэтажного здания толпился народ. «Ночь в библиотеке!» – корявыми багровыми буквами было выведено на криво приделанной огромной афише. – «Встреча с вампирами, вурдалаками, нечистой силой и... Николаем Васильевичем Гоголем! Гвоздь программы – подвал дома Хохрякова! А-а-а-а! Страх и Жуть! Число билетов ограничено!»

Районная библиотека располагалась в доме лесопромышленника Хохрякова, который после революции вместе с дочерью бежал в Харбин. После их отъезда в доме надолго обосновался поселковый совет, потом районная администрация, и вот два года тому назад сюда переселилась библиотека.

Несмотря на то, что праздник должен был начаться с наступлением темноты, то есть около одиннадцати вечера, небольшой пустырь еще с утра начал заполняться публикой.

Гвоздем программы было посещение подвала. Именно там был сосредоточен самый-самый страх, самая жуть, но для того, чтобы туда попасть, гостям праздника нужно было принять участие в викторине, посвященной творчеству великого писателя, прочитать перед публикой отрывок из какого-нибудь произведения и посмотреть театрализованное представление под названием «Вий».

Ближе к вечеру число любопытных увеличилось в разы, рядом с библиотекой выстроились мотоциклы, велосипеды и несколько старых задрипанных машинешек – ведь многие

приехали сюда из ближних и даже дальних деревень.

Чем больше сгущались сумерки, тем ближе к поселку подходила огромная туча, обещающая вот-вот разразиться ливнем.

...Рита нашла одноклассников в зале периодической печати, который на время праздника стал гадальней. До нее донесся голос Ключкина:

– А теперь меня одного!

– Нет проблем, – сказал Никита. – Отойдите все от него! Минуточку! Готово!

Все опять сгрудились возле Никиты, чтобы увидеть, что же на этот раз выкинет странный гаджет.

– Смотрите, смотрите! – закричал Димка Скворцов, хватаясь за живот. – Такого еще не было! Девочка, Ключкин – девочка!

– Как – девочка? А ну дай посмотреть! Ой, а что это я делаю?

– Я знаю! – раздался голос вурдалака Князевой. – Чулок снимаешь! Раньше вместо колготок чулки носили. Мне бабушка рассказывала.

– Вау! Вот это да! Кстати, платице-то на мне – прелесть! Голубенькое, в оборочках... Вы не находите?

«Да что они, все с ума посходили, что ли? – думала стоящая неподалеку Рита. – Ключкин, чулки вместо колготок... Что же там все же такое?»

Рита даже забыла о том, что они разорены, что теперь

ей придется учить уроки наравне со всеми и что пальцы на ногах так разбухли, что она могла перемещаться только маленькими осторожными шажочками. Шажок, другой, третий – и она уже почти подошла к окружившим Никиту любопытствующим. Еще немного и... И тут же встретила красноречивый взгляд Князевой: «Только тебя здесь не хватало!»

Именно в этот момент библиотека взорвалась оглушительной музыкой, и почти тут же зал начал заполняться людьми.

Риту оттеснили в сторону, и она потеряла всех из виду.

– Ну наконец-то, – послышался сердитый голос Екатерины Александровны. Она с трудом перекрикивала музыку. – Ты чего, Семикотова, на звонки не отвечаешь? Я звоню, звоню!

– А я не слышала... Музыка же! – прокричала в ответ Рита.

– Музыка! Слушать надо! Дождь пошел, поэтому представление начинаем раньше, быстро переодеваться!

Екатерина Александровна схватила Риту за руку и поволокла на первый этаж. В свободной руке она держала телефон, по которому пыталась еще до кого-то дозвониться.

– Теперь этот... трубку не берет! – нервничала Екатерина Александровна. – Бронникова не видела? – пытаюсь перекричать музыку, спросила она пробегающую мимо вурдалака Князеву.

– Он в очереди в подвал! – прокричала та в ответ.

– Как – в подвал? Кто разрешил? Мы же вот-вот выходим!

На мгновение Екатерина Александровна выпустила руку Риты, и девочка уже хотела оторваться от нее, но, заметив это, учительница снова схватила Риту за руку и потащила к длиннющей очереди, которая столпилась возле подвала.

– Ничего не понимаю! Его же должны открыть позже, после спектакля! Ужас какой-то! И где он? – изо всех сил, стараясь переорать музыку, которая здесь была еще громче, чем наверху, кричала Екатерина Александровна.

– Да вот же они! – закричала в ответ Рита.

– Где?

– Ну вон, видите, на самом входе!

– Точно! Эй, Бронников, Скворцов!

Но Никита с Димкой, ничего не слыша, продолжали продвигаться вперед.

– А ну-ка пойдём туда!

Екатерина Александровна, все так же держа Риту за руку, под возмущенные возгласы стоящих сзади стала протискиваться к началу очереди.

– Никита! – изо всех сил закричала она, но Никита скорее почувствовал, чем услышал, обернулся, и в это время дверь, ведущая в подвал, открылась, пропуская тех, кто уже был на входе.

Учительница, сделав рывок вперед, схватила Никиту за рукав, но толпа уже увлекала за порог его, а вместе с ним Екатерину Александровну с Ритой.

Дверь закрылась, удивительным образом отсекая звуки, и стало тихо. Почти тихо. Кто-то приказал:

– Отключить телефоны!

Все, в том числе и Никита, полезли в карманы.

Глава 9

Так навсегда и осталось загадкой, кто же все-таки дал распоряжение раньше времени открыть вход в подвал. Толпа, ввалившаяся в библиотеку, поняв, что в «самую жуть» можно пройти безо всякого участия в викторине и просмотра какого-то «Вия», тут же выстроилась в очередь. Когда в гадальню хлынул народ, Никита с Димкой пошли вниз, чтобы разыскать остальных участников спектакля, но никого не нашли. Взглянув на часы, они прикинули, что вполне успеют до начала выступления посмотреть эту «самую жуть», и тоже встали в очередь. В последний момент с ними вдруг оказались Екатерина Александровна и Семикотова – откуда они появились и, главное, для чего, Никита так и не понял.

Лестница в подвал оказалась узкой, крутой и темной. Наконец, ступеньки закончились, и ноги ощутили неровную каменистую поверхность. Никита очутился между Ритой и Екатериной Александровной.

– А че меня-то сюда приперли? – возмущалась Рита. – Можно подумать, мне это интересно! Лучше бы я в гадальне потолкалась!

Впереди, на небольшом пяточке, зажегся свет, откуда-то появилась женщина в расписном украинском наряде.

– Здравствуйте, друзья, – сказала она. – Меня зовут Аделаида Павловна. Наша экскурсия посвящена творчеству Николая Васильевича Гоголя. Уверена, она оставит у вас неизгладимые впечатления. За мной, прошу вас!

Все двинулись вдоль тесного, слабо освещенного, подвала. Шли медленно. Никита вдруг вспомнил про фортеля, которые выкидывал смартфон, и его охватили нехорошие предчувствия.

Внезапно стало темно, впереди послышались крики. Несколько секунд спустя чуть было не закричал и Никита: из появившегося светлого пространства, устремив горящие адским огнем глаза и клацкая железными зубами, к нему приближалось несколько... мертвецов. «Зомби!» – понял Никита. Внутри все сжалось. Взявшись за руки, зомби образовали круг. Еще немного – и они раздавят Никиту в своих кладбищенских объятьях. Вероятно, нехорошие предчувствия начали сбываться. Никите захотелось стать маленьким, невидимым.

И почти сразу стало светло и нестрашно. И даже спокойно. Вместе с другими экскурсантами Никита очутился в уютной импровизированной комнатке. На этажерке по-домашнему светила настольная лампа, а рядом стояли книги Гоголя.

– Это произведения Николая Васильевича, изданные в

разные годы, – сказала Аделаида Павловна и взяла в руки одну из книг. – Особо ценен этот раритетный экземпляр, который нам позаимствовала на время праздника наша краевая библиотека. – Она открыла книгу. – Обратите внимание – здесь стоит штамп «Из личной библиотеки М. И. Хохрякова». Разрешаю посмотреть, потрогать, только очень прошу – сразу ставить на место.

Никита оказался ближе всех к этажерке, и Аделаида Павловна, решив, что он – один из страстно желающих получить раритетный экземпляр, сунула ему книгу. Его тут же оттеснили в сторону.

– А где Вий? – спросила подбежавшая Екатерина Александровна.

– Не знаю... Где-то наверху. А вы-то почему с нами?

– С вами! Да потому что уже на сцену выходить надо, а вы сюда поперлись!

Никита машинально сунул раритетный экземпляр за пояс джинсов, вытащил смартфон, чтобы убедиться, что времени до выступления еще достаточно, но он оказался выключенным. Точно, всем же еще на входе сказали отключить телефоны. Включать гаджет Никита, конечно же, не стал.

Екатерина Александровна добавила:

– Дождь пошел, вот директор и решил пораньше начать.

– Идем дальше, – сказала Аделаида Павловна.

Все снова двинулись вдоль коридора. Теперь на экскурсантов смотрели сверху светящиеся черепа, слышалось тре-

возное уханье совы... И это тревожное уханье вдруг нарушили совсем другие звуки.

– Кто не выключил телефон? – раздался сердитый голос Аделаиды Павловны.

Все переглянулись.

– Бронников! – возмущенно зашептала Екатерина Александровна и дернула Никиту за рукав. – Что там у тебя пищит? Сказано же – отключить телефоны!

– Так я отключил! – тоже зашептал Никита и полез в карман, чтобы еще раз убедиться, что смартфон отключен. Он и был отключен... И на этот отключенный смартфон пришла эсэмэска! Как? Удивиться этому Никита не успел: раздался визжащий звук, стало темно, тихо, и чьи-то острые когти вцепились в его плечо...

Часть II

Глава 1

Никита вздрогнул. Что это? Чьи это когти? Неужели летучей мыши? Но откуда она взялась? Нет, скорее всего, не летучей мыши. Тогда – чьи?

Он дернулся – хотел освободиться от когтей, но те еще глубже вонзились в плечи. Ему стало не по себе. К тому же, кроме впившихся костей, было нечто еще более пугающее. Темнота.

Она была другой. Не той, что минуту назад.

Как будто бы еще более темной. И... зловещей. А еще в ТОЙ темноте были звуки: шепот экскурсантов, шорохи... Здесь же была оглушительная тишина. Похоже, он здесь один... плюс еще чьи-то когти.

А правда, где остальные? Их же было человек двадцать, наверное. Неужели все нехорошие предчувствия УЖЕ начали сбываться?

Никита почувствовал, что от страха не может вздохнуть полной грудью. Наверное, это вампир Кеша, нарисованный на футболке, изо всех сил сдавил грудную клетку. В горле появился плотный комок. Ноги налились свинцовой тяжестью.

«Что это я? – подумал Никита. – Сейчас снова станет свет-

ло, и мы пойдём дальше. И все-таки... отчего так тихо? И... почему так долго не зажигают свет?»

– Где мы? – послышался сзади испуганный шепот.

– Семикотова! Ты?

– Ну а кто же?

– Ну и ногти у тебя. Настоящие когти.

– Нас что, двое? – спросила Рита. – А где остальные? Чем молчишь-то?

Если б Никита мог ей ответить!

– Эй, Бронников, ты че, язык, проглотил, что ли? Или глухой? Где остальные?

– Да подожди ты! – сказал Никита, потому что в этот самый момент пискнул смартфон – пришла эсэмэска. Он потянулся к карману, в котором лежал гаджет, и... что это? Что торчит из-за пояса джинсов? Книга! Откуда она? Переложив ее в другую руку, Никита достал смартфон, прочитал сообщение. И замер. Дурные предчувствия начинали сбываться.

– Что там? – спросила Семикотова

– Где – там? – прохрипел Никита. Дурацкий комок, застрявший в горле, мешал говорить.

– Где-где... В эсэмэске!

Никита протянул ей смартфон.

– О, даже две. Одинаковых. Поздравляю, вы – в игре, – прочитала Рита. – Что за игра?

– Кто бы знал... – снова прохрипел Никита и попытался прокашляться. – Кхы! Кхы – ы-ы-ы... ы! Ну, вот теперь, ка-

жется, нормально, – уже своим голосом сказал он. – Понятия не имею. Подожди, я сейчас.

Никита навел свет от гаджета на книгу, которую держал: «Н. В. Гоголь. Собрание сочинений. 1850». Раритетный экземпляр произведений великого писателя, одолженный на время праздника краевой библиотекой оказался тоже в игре!

– Ты че, книгу спер? – как-то очень радостно удивилась Рита. – Ой, не могу!

– Спер, ага, делать мне нечего!

– А со стороны – такой правильный!

– Дура! – сказал Никита. – Не знаешь – не лезь! – и сунул книгу за пояс джинсов.

И сам себе удивился: что это с ним? Он никогда так грубо не разговаривал с девочками.

– Сам дурак! – сказала Рита. – Еще и в какую-то дурацкую игру меня притащил!

Никита улыбнулся. Как ни странно, от присутствия Риты ему было спокойнее, несмотря на то, что она несла всякую чушь. Даже тяжесть в ногах прошла и дышать стало как будто бы легче.

– Так скажешь или нет, что за игра-то? И почему нас всего двое? Где остальные? – не отставала Семикотова.

Вот достала! Ну что он может сказать, если сам ничего не знает!

– Дай осмотреться, не лезь пока.

– Странная какая-то игра, – пробурчала Семикотова. –

Онлайн, что ли?

– Ага, онлайн. Только мы почему-то оказались по другую сторону онлайн.

– Здорово! – обрадовалась Рита. – Это покруче, чем в «Битве экстрасенсов»!

«Все-таки не зря говорят, что все девчонки – дуры», – подумал Никита. Лично его эта непонятная ситуация совершенно не радовала. Он вспомнил предупреждение, что в случае разрядки аккумулятора что-то такое будет... Что будет – в его памяти не отложилось, но ясно одно – ничего хорошего. Никита посмотрел, насколько заряжен смартфон, и облегченно вздохнул. Все хорошо. Пока. Потом включил фонарик в телефоне и осмотрел прилегающее пространство. Вдаль уходил коридор (правда, невозможно было определить, насколько длинный), но по ширине такой же, как в библиотеке. Только вот стены были побелены, а не выкрашены, как там, в мерзко-зеленый цвет.

«Интересно, в чем заключается игра?» – подумал Никита, выключая фонарик. Снова стало темно.

– Ты че, дебил? – услышался голос Риты. – Как мы теперь идти будем? Мало того, что в какую-то фигню меня притащил, так еще и фонарик выключил. Точно, дебил!

– Зарядку беречь надо, – сказал Никита. – У тебя телефон с собой?

– В гадальне, в сумочке остался.

– Тогда тем более, – ответил он и, взяв Семикотову за ру-

ку, придерживаясь стены, осторожно ступил вперед.

– Че хватаешься-то? – Рита выдернула руку. – Делать нечего?

– Ой, извини. Думал, ты темноты боишься.

– Прям, боюсь! Было бы чего бояться!

Но тут же сама нащупала плечо Никиты и изо всех сил опять вцепилась в него.

Шаг, другой, третий... Никита вспомнил те примитивные игры, которыми увлекался в начальных классах. В них, чтобы выиграть, нужно было убить каких-то бандитов, или вампиров, или еще какую-то нечисть, которая пряталась то в замке, то среди гор. Время от времени она, эта нечисть, выглядывала из-за какой-то скалы или из какого-то зала, и нужно было успеть в нее стрельнуть.

А что если и здесь для того, чтобы выиграть, то есть выжить, нужно будет... стрелять? Причем в реальных людей? Сможет ли Никита это сделать? А если не сможет? Тогда, выходит, они с Ритой обречены на верную гибель?

Продвигались медленно. Никита то и дело натыкался на стоящие вдоль стены деревянные ящики, и об угол одного из них он так ударился коленом, что запрыгал на одной ноге.

– У-у! Ой, не могу! Ой!

– Ты че, рехнулся?

– Ага, рехнулся! Коленку разбил!

– Так смотреть надо, куда идешь!

– Посмотришь тут, когда темень кругом!

Теперь Никита шел с вытянутыми вперед руками.

– Ух ты, кадушка!

Никита нашарил крышку, отодвинул – по подвалу разнесся аромат соленых огурчиков.

– Огурец хочу! – послышалось сзади. – Достань огурец!

Выполняя просьбу, Никита так перегнулся через край бочки, что чуть было в нее не нырнул. Но удержался. Нащупал два небольших огурчика и, выпрямившись, протянул один Рите.

– Идем дальше! – сказал Никита и, все так же вытянув руки перед собой, сделал большой шаг вперед. Ладони коснулись чего-то прохладного, шаткого и неустойчивого – и это что-то упало и покатилось, оглашая темный подвал веселым звоном. Ведро! Видимо, он наткнулся на стоящие столбиком пустые ведра, которые свалились и рассыпались по подвалу. Он включил фонарик – точно! Выключил, и почти тут же послышались топот ног, голоса, далеко, в конце коридора, появилось два мерцающих огонька. Звонкий девичий голос прокричал:

– Кто здесь?

– Где мы? – прокричал в ответ Никита.

Огоньки быстро приближались. И вот уже видна девушка со свечкой в руке, а позади – огромная фигура мужчины. Отодвинув девушку – теперь была видна ее рыжая прядь волос, выбившаяся из-под косынки, фигура огромной ручищей схватила Никиту за ухо и прошипела:

– Ага! Попались, голубчики! Ну наконец-то! И знайте: вам это даром не пройдет!

Глава 2

– Отпустите, больно! – закричал Никита.

– Больно ему! А мне какво!

Все так же держа Никиту за ухо, как будто тот только и норовил убежать, и, таща его за собой, фигура двинулась вдоль коридора, назидательно говоря идущей следом девушке:

– Ты это, Дунька, за девкой-то присматривай, не ровен час, сделает ноги.

– Да куда их делать-то, Митрофан Ильич! – ответила Дунька.

– Прямо, больно нужно ноги-то от вас делать! Знать бы куда, может, и сделала бы! – вставила Рита.

– Ты смотри, какая языкастая! – сказал Митрофан Ильич. – Язык-то я тебе быстро укорочу!

– Ну-ну, попробуйте!

Так, под препирательства Митрофана Ильича и Риты все поднялись по лестнице и оказались в довольно просторном темном помещении.

– Отпустите меня! – взмолился Никита – похоже, что здоровяк забыл уже, что крепко-накрепко впился клешней в его ухо. – Больно же!

Оставив в покое ухо Никиты, Митрофан Ильич уставился

на Дуньку:

– Кто это, Дунь?

– Так откуда ж мне знать, батюшка? Сама этих людей впервой вижу!

Митрофан Ильич посмотрел на Дуньку с недоверием.

– И давно они здесь?

– Да, батюшка, честное слово, не знаю я их! Христом Богом клянусь!

– А как тогда они в подвале оказались? Ты что, дверь не замыкаешь? Аль заодно с ними?

– Обижаете, Митрофан Ильич! – сказала Дунька и потрясла перед ним связкой ключей. – При вас же сейчас замок открывала!

– Да еще огурцы наши едят! Дайте сюда! – Митрофан Ильич выхватил из рук Никиты и Риты остатки огурцов, сунул их Дуньке. – Уберешь! – Он направил пламя свечи на Никиту и вдруг, отпрянув в сторону, перекрестился.

– Господя...

Перекрестилась и Дунька, вцепившись в рукав хозяина.

– Этого еще не хватало! – произнес Митрофан Ильич. – Упыри! Вот она, нечисть, теперь все понятно! Ну наконец-то поймали! – радостно добавил он и потер руки. – Всему поселку на счастье.

Никита понял, что речь идет о нем с Ритой.

– Что же теперича делать? Говорят, вроде, сперва надо голову отрезать, а потом – кол осиновый вбить... – продолжал

Митрофан Ильич. – Соседей надо позвать, один не совладаю... И к тому же тут и голова-то не одна... Беги-ка, Дунька, однако, за Филиппычем, а потом – за Васильычем, да поскорее!

Глава 3

Внутри у Никиты похолодело. И хотя он вспомнил, что это – всего-навсего игра, легче не стало.

– Вы о чем? – дрожащим голосом спросил он.

– А вот об чем, – осторожно приблизившись к Никите, сказал Митрофан Ильич и ткнул пальцем в вампира Кешу на футболке. – Мало того, что сам упырь, так еще упыря на грудь прицепил!

Никита облегченно вздохнул. Так вот в чем дело!

– Да не упырь это! Вампир это, Кеша. Это ж рисунок, и ничего он вам не сделает.

– Он-то не сделает, а вы? Если вы – упыри!

Никита не мог сдержать смех.

– Зомби, что ли? Да вы что?

– А вот сейчас мы проверим! Дунька, будь наготове! Если упыри – немедленно за Филиппычем!

Никита насторожился: что значит – сейчас проверим?

Митрофан Ильич безжалостно поднес свечку к его руке.

– Что вы делаете? – закричал Никита, отпрыгивая в сторону. – Больно же!

Хозяин дома облегченно вздохнул.

– Больно, говоришь? Хорошо, что больно! Не упыри это, – убежденно сказал он Дуньке. – Упыри боли не чувствуют. Жаль, конечно, что ошибся, глядишь, народным героем бы стал, ну да ладно. – И, обращаясь к Никите, продолжал: – А почто тогда упыря на рубашке намалевал?

– Да не рисовал я! Купил. На центральном рынке.

– Странно. Таких я не видывал.

Митрофан Ильич подвинулся боком к Рите и, сообразив, что она выше него, тихо хмыкнул и сделал несколько шагов в сторону.

– Наряд какой-то ненашенский, – это он про Риту. И продолжал, обращаясь к Дуньке: – Пусть они и не упыри, но все зло определено от них! А убытков-то сколько! Заставим возместить! Как считаешь?

– Конечно, пусть возмещают!

– И все-таки я не могу успокоиться, – продолжал Митрофан Ильич. – Вдруг все же упыри. Надо их... А ну, топайте за мной! Смотри-ка ты, и отражение есть, – то ли обрадовался, то ли огорчился Митрофан Ильич, когда, подойдя вместе с ними к зеркалу и посветив свечкой, увидел в нем не только свое отражение, но и отражения Никиты и Риты.

Теперь, когда самое страшное осталось позади, Никита пытался вспомнить, где же он мог видеть Митрофана Ильича. До чего же он показался знакомым!

А-а, на экране смартфона, когда он сделал первый групповой

снимок! Митрофан Ильич был запечатлен в белой рубашке и темных брюках, причем запечатлен во время ходьбы – и лицо его было почти в профиль! Понятно, почему Никита сразу не уловил сходства.

Между тем глаза привыкли к полумраку, и вот уже появились уходящая вверх лестница, двери по обеим сторонам прихожей – все это тоже было до боли знакомо!

– Давно этим занимаетесь? – грозно спросил Митрофан Ильич и ткнул указательным пальцем Никиту в лоб. Тот едва удержался на ногах.

– Ч-чем?

– Только не надо сказывать, что знать не знаешь, в чем дело!

– Да не зомби мы! То есть упыри, по-вашему! Сами же убедились только что! – проворковала Рита, стараясь изобразить на своем лице одну из своих 17-ти очаровательных улыбок. Стоять в этих дурацких туфлях было невыносимо, а потому вместо очаровательной улыбки получился жуткий оскал. Дунька вздрогнула и перекрестилась. Рита отработанным движением повела плечиком.

– Ты мне здесь страшные рожи не строй! – рассердился Митрофан Ильич, смерив Риту взглядом с ног до головы. – И не пищи! Говори своим голосом! Не таких видали! Что за наряд? Ненашенский!

– Ой, вас не спросила, что мне носить, – теперь уже чуть ли не басом сказала Рита, согнув в колене одну ногу и вце-

пившись в Никитино плечо, чтобы удержать равновесие. – Вы думаете, что если вы в игре, то вам все можно?!

– О чем это она? – растерянно спросил Митрофан Ильич, взглянув вопросительно на Дуняшку. – Игра какая-то...

– Не знаю, батюшка... – Дуняшка переводила сердитый взгляд с Риты на Никиту и обратно.

Никита что было силы наступил на туфельку Риты. Чего это она себя так ведет?

– Ой-ой-ой! – закричала Семикотова. – Че творишь-то? Я и так еле стою – видишь, на одной ноге, а тут еще ты!

Внимание Митрофана Ильича опять переключилось на футболку Никиты.

– Рубаха странная. Впервые такую вижу. Как называется?

– Футболка.

– Футболка... Это что, в ней в футбол играть можно? – расхохотался Митрофан Ильич. Потом посветил свечой на джинсы. Попробовал на ощупь.

– И штаны тоже... хм... и покрой, и материя – не встречал я таких.

Рита громко хихикнула – вот ведь темнота!

– Это джинсы, – пояснил Никита, зыркнув в сторону Риты.

– И слова-то ненашенские... – отметил Митрофан Ильич и покачал головой. – Не слышал доселе. Да кто вы такие-то?

– Митрофанушка, в чем дело? – донесся сверху мелодичный женский голос. – Почему не спите? Кто это?

Потом донесся еще один, детский:

– Папенька, что случилось?

Никита поднял голову – вниз, по лестнице, спускались два неровных огонька.

– Настена, иди сюда скорей! – закричал Митрофан Ильич. – Тут такое творится! – И сразу же тон изменился: – Матренушка, тебе, пожалуй, не стоит спускаться.

– Ну как же! – ответил женский голос. – Интересно же взглянуть, что там такое. Шумно, спать не даете.

Голос у нее был негромкий, мелодичный, похожий на журчание ручейка.

– Ты только не волнуйся, Матренушка, не надо тебе волноваться! Врач запретил!

– Не торопитесь, Матрена Ивановна, – сказала Дунька.

Рита почувствовала аромат дорогих духов – примерно такие же привозила из Парижа мать.

– Все нормально, – сказала Матрена Ивановна, приближаясь к Митрофану Ильичу. – Только что ж в вестибюле-то стоять, пойдемте в большую гостиную, что ли...

– Идемте! – воскликнул Митрофан Ильич, давая знак, чтобы все следовали за ним.

Глава 4

«Да что тут происходит? – размышлял Никита. – То упыри, то убытки какие-то! Не огурцы же он имеет в виду! –

В душе внезапно забрезжила надежда. – А может, это переодетые артисты из краевого театра? Тогда все понятно. Но почему обстановка другая, электричества нет... Конечно, и артисты могут со свечками бегать, но тут, кажется, на самом деле нет электричества. Тогда вообще все непонятно!»

За окном сверкнула молния, на мгновение осветив большую гостиную. Никита успел увидеть кресло, диван и висевшие на стенах картины. Озверевший вдруг ветер с шумом распахнул окно и надул из тюлевой занавески огромный белый пузырь. В зал ворвался поток свежего воздуха. Митрофан Ильич прикрыл свечу рукой, чтобы та не погасла.

– Дунька, что стоишь столбом? – закричал он. – Живо закрой окно да вытри воду! Поди, на пол натекло! Все тебе надо указывать! Головы своей, что ли, нету?

– Так кто это? – спросила Матрена Ивановна, переводя взгляд с Никиты на Риту.

– Да вот, думал, что упыри, оказалось, ошибся, – сказал Митрофан Ильич. – Но злоумышленники – это точно! Из-за них все несчастья! Как ты, Матренушка? Может, все-таки пойдешь к себе? Поди, устала?

– Пожалуй, Митрофан. – Она приложила руку ко лбу. – Голова что-то кружится...

– Настена, проводи маму.

– Нет-нет, я сама.

Настена, тоже со свечкой в руках, разглядывала вампира Кешу.

– А он хорошенький, – сказала она.

Никита узнал в ней девочку в голубом платье, которую видел на фотографии дважды: первый раз в беседке, со спины, второй – когда фотографировал Ключкина в гадальне. Лицо Настены напоминало мордочку озлобленной зверушки – то ли крыски, то ли хорька. Росточком она была небольшая, и Рита возвышалась над всеми, как телевизионная вышка.

– А почему ты решил, папенька, что все зло от них?

– Ну а от кого же? Ты посмотри, Настюша, на улице ливень весь день – а на них ни капелюшечки! Нечисто все это!

– А откуда, папенька, они взялись?

– Откуда-откуда – оттуда! – Митрофан Ильич показал указательным пальцем вниз и начал рассказывать, как они с Дунькой слышали в подвале звон падающих ведер и побежали. – Ну вот, спустились, а там – эти! Стало быть, живут они там, понимаешь? Или же...

– Как это? Подвал же на замок закрыт!

– Ну вот в этом-то вся бесовщина и есть.

– Папенька, папенька, – перебила его Настена, – а у этого за спиной что-то топорщится! – закричала она, показывая на Никиту и отскакивая в сторону. – Вдруг топор?

– Что у тебя за спиной? Показывай!

– Да это же книга! – воскликнул Никита, вытаскивая из-за пояса джинсов раритетное издание.

– А ну, дай! – Митрофан Ильич выхватил книгу и уставился на нее. Глаза его округлились.

– С ума сойти! Где ты ее взял?

– Как где... в библиотеке!

– В какой библиотеке? Когда ты успел ее украсть?

– Не крал я ничего...

– Как не крал? Вот, смотри, – он перелистал страницы. –

Из личной библиотеки М. И. Хохрякова! Когда ты украл эту книгу?

– Не крал я! – с отчаянием ответил Никита. – Мне Аделаида Павловна дала!

– Какая еще Аделаида Павловна? Где она дала?

– Ну, экскурсовод наш по подвалу. В подвале и дала.

– Экскурсии по какому-то подвалу. Что за чушь?!

– Да нет, не чушь, – горячо перебил Митрофана Ильича

Никита. – Праздник же! «Ночь в библиотеке»! А там – подвал! Ну вот там и проходила экскурсия!

Хохряков молчал, уставившись на него.

– Ну и вот! А подвал тот в доме, который вы наверняка знаете. Если, конечно, вы в Берёзовке живете! – чувствуя, что его речь вызывает интерес, с воодушевлением продолжал Никита.

– А где же еще? В Берёзовке и живу! – Митрофан Ильич сказал это и замер. – А ты где живешь?

– Так тоже в Берёзовке... Ну тогда вы точно этот дом знаете!

– Ну-ну... – растерянно произнес Митрофан Ильич. – Что же это за дом такой?

– Дом лесопромышленника Хохрякова!

Митрофан Ильич охнул и схватился за сердце.

Настена и Дунька с недоумением переглянулись.

В комнате повисла тишина.

– Воды принеси, Дунька, дурно мне... И... капли... – прошептал Митрофан Ильич. – От сердца... Ой, не могу! – Он сделал несколько шагов и прилег на диван.

– Вот, выпейте, – подбежала к нему Дунька.

Приняв капли, отдышавшись и успокоившись, он уставился на Никиту:

– А я кто, по-твоему?

– Понятия не имею, – ответил тот. – Человек, наверное... Известный... пока... мне... Хотя странно, в Берёзовке я всех знаю. А вас – нет!

– Я тоже вас не знаю! – воскликнула Рита.

– Я – Хохряков Митрофан Ильич! – прошелестел Хохряков, допивая воду с лечебными каплями.

Глава 5

– Вы-ы? – вытаращил глаза Никита. – Это который – лесопромышленник? – он хотел добавить, что его же уже давно нет в живых, но сдержался. Воскликнул только: – Не может быть! Это что же тогда...

– Ни фиги себе! – перебила Рита. – Вот это игра так игра! Все обзавидуются!

Митрофан Ильич продолжал держаться за сердце.

– Да о какой игре вы говорите? – с трудом произнес он.

– Да что вы за люди такие, будто с прошлого века! – рассердилась Рита. – Игра, квест – что тут непонятного?

– Не знаю я никаких квестов, – проскрипел Митрофан Ильич. – Даже слово такое впервые слышу. И игры никакой не знаю. При чем тут игра? Ой, что-то дурно мне...

– Может, еще капель? – спросила Дунька и метнула в сторону Риты и Никиты недовольный взгляд. И губы поджала. Мол, понабежали тут всякие.

– Да ладно! Вроде как отпустило. Итак, – Митрофан Ильич поднялся с дивана и уставился на Никиту. – Ну допустим, вы не знали, что я – Хохряков и что это – дом Хохрякова. Хотя ты мне об этом что-то лепетал. Допустим, вы не упыри... Но эти-то дела зачем вы делали?

– Какие дела? – спросил Никита. – Мы никаких дел не делали. Мы к спектаклю готовились!

– Ну, я не знаю, что там за спектакль, только ты вот мне про скотинку-то расскажи! Это что – как раз спектакль и есть? Скотина-то?

– Какая скотина? – теперь уже Никита вообще ничего не понимал. – Нет в нашем спектакле никакой скотины!

– Ты хоть думаешь, что говоришь? Что за вздор: игра, экскурсия, да еще и спектакль!

– Так ведь это правда! – в отчаянье воскликнул Никита.

– А кто же тогда на скотину в нашей Берёзовке мор наво-

дит?

– Откуда я знаю?

– Все-таки, папенька, это они, – подала голос Настена. – Посмотри, одеты-то во что! Если не упыри – то бесы они, самые настоящие бесы!

– Сама ты бес! – парировала Рита и, презрительно взглянув на Настю сверху вниз, ущипнула ее за нос. И тут же почувствовала, как маленький крепкий кулачок врезался в правый бок.

– Ах ты пигалица! – возмутилась Рита и дернула Настену за торчащий клочок волос. – Еще и кулаками махать!

– Отвали от меня! – толкнула ее Настёна. – Дылда!

– Кикимора болотная!

– Да чего вы! – рассердился Хохряков. – Уймитесь немедленно!

– Ой, папенька, посмотри, какие у нее ногти!

– Я еще на ногти ее не смотрел! Делать мне больше нечего!

– Ну посмотри, посмотри, папенька! – Настена схватила руку Риты и поднесла ее к глазам Хохрякова. Рита пыталась выдернуть руку, но тут уже сам Хохряков со словами: «Че ты дергаешься? Че дергаешься?» схватил ее за пальцы и впился глазами в нарисованные на ногтях цветочки и малюсенькие сердечки, припаянные к крошечным серебряным цепочкам.

– Тьфу! – отбрасывая в сторону руку Риты, воскликнул он. – Еще и сердце на каждый ноготь прицепила! От безделья

все!

– Писк моды! – сказала Рита.

– Папенька, красиво, да? Я тоже так хочу! – не унималась Настена.

– Ох, устал я от вас, – сказал Хохряков. – Сил нет совсем. И вообще поздно уже, спать пора.

– Ой, папенька, а мне интересно! Давайте еще поговорим!

– Поздно, Настюша. Мне вставать рано. Я думаю вот что. Скорей всего, не упыри это. А кто на самом деле – понять не могу. И ведь они, черти, не говорят ничего! Что с ними делать – не разберусь! Не выгонишь же их в ночь в такую погоду! Не по-людски это. Как думаешь, Настена?

– Не знаю папенька... Я бы выгнала. На что нам они?

– А я не могу. Ладно, пусть до завтра здесь побудут, по хозяйству Дуняшке помогут.

– Ой, можно подумать, что они что-то умеют! – подала голос Дуняшка.

– Вечером определюсь, что с ними делать, – продолжал Митрофан Ильич. – Может, сдам приставам, да и дело с концом. Слышь, парень, звать-то тебя как?

– Никитос. Ой, то есть. Никитой.

– А цаца эта, – Хохряков показал взглядом на Риту, – кто тебе будет?

Никита хотел сказать, что одноклассница, но подумал и ответил:

– Сестра. Рита.

– Хм... Совсем не похожи. Ты-то хоть нормальный, а эта – длинная, как жердь... Ну да ладно. Буквы-то хоть знаете?

– Знаем! – теперь уже враз ответили Никита и Рита. Хохряков с сомнением покачал головой.

– А вот мы сейчас проверим! Дунька, принеси-ка газету. Ну, последнюю, которую вчера из города привезли!

Хохряков развернул перед Никитой первую страницу.

– Читай! – приказал он. – Можно и по слогам.

От Никиты не укрылся презрительно-высокомерный взгляд Настены.

– Зачем по слогам? Я и так могу!

Хохряков недоверчиво взглянул на него. Потом сказал:

– Ну так давай! Читай, что за газета, когда издана! Вот тебе последний номер, сам еще не открывал.

– Областные ведомости, – начал Никита и тут же запнулся, – Май, 1916 года. Что? 1916? XX век, что ли?

Глава 6

– А ты, небось, думал, что XXI? – захохотал Хохряков. Настена сказала:

– Надо же, ничего не соображают!

Хохряков развернул газету.

– Читай вот здесь, – он ткнул пальцем толщиной с сардельку в одну из строчек.

– Вчера на сцене городского Мариинского театра былъ

показанъ спектакль «Ревизоръ» Н. В. Гоголя. Зрители приветствовали столичную труппу артистовъ бурными аплодисментами.

– Хм... неплохо, – произнес Хохряков. – Читать и вправду можешь. Я думал, что так, языком болтаешь. А кто такой Гоголь, знаешь? Ах да, ты же книгу у меня спер. Прочитал хоть?

– Конечно, прочитал. Только не эту. У меня своя есть. Дома. Личная.

– Хм... Видать, из богатеньких. Книга дома есть личная, а у меня спер.

– Да не брал я у вас никакой книги!

– Ладно, что написал Гоголь-то?

Хорошо, что к «Ночи в библиотеке» Екатерина Александровна заставила их не просто выучить название произведений, но и все перечитать. Поэтому Никита без труда перечислил:

– «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Вий», «Шинель»...

Хохряков потрясенно смотрел на Никиту. Потом спросил, показывая на Риту:

– А фифа эта тоже читать умеет?

– Еще как!

– Нет, папенька, проверь, проверь ее, – послышался голос Настены, – сдается мне, что врет...

– Да вряд ли. Хотя, Настена, если хочешь, проверь сама.

Рита к этому времени незаметно сбросила с ног туфли и стала на десять сантиметров ниже. Хохряков пристроился рядом – теперь они были одного роста.

Настя ткнула пальцем в заголовок «Криминальные новости».

– Читай!

– «Упыри выходят из могиль».

– Господи! – сказала Настена и перекрестилась. – Это правда, папенька?

– Сейчас узнаем. Отсель читай! – приказал Хохряков.

– ...В последнее время участились случаи, когда упыри, или, как их еще называют, вурдалаки, выходят по ночам из могиль и устремляются в знакомые им места. В населенных пунктах то там то тут слышится леденящий душу смех, который иначе как сатанинским не назовешь...

– Все, хватит, – недовольно сказала Настена, вырвала у Риты газету, отбросила ее в сторону и, как и Дунька, поджала губы. А потом пробурчала: – Страшнющая, а читать умеет! Надо же! И все же, папенька, не вурдалаки ли это? Странные они какие-то! Видишь же, ненашенские!

– Точно – ненашенские! – подхватила Дунька.

– Цыц! – прикрикнул Хохряков. – Ненашенские – да. Вурдалаки – нет. Боль они чувствуют, в зеркале отражаются! Я проверил. И Дунька видела. Потому я решил – останутся у нас до вечера. Посмотрим, как вести себя будут. Если окажется, что из-за них такое со скотиной-то...

– Из-за них папенька, из-за них! – горячо воскликнула Настена. – Больше не из-за кого!

– Так что, Дунька, – продолжал Хохряков, – распоряжайся ими по своему усмотрению. Цацу эту на кухню определи, Никита пусть стайки чистит, если умеет, конечно, и тебе помогает. Да и переодеть их надо. Фифе-то свое дай, а вот этому...

– Может, папенька, от скотника что осталось? Ну, которого, говорят, в живых нет? То ли убили, то ли...

– Вот, точно! Подойдет! Тот, конечно, повыше будет, пошире, но ничего...

Глава 7

– Стойте, я сейчас! – сказала Дунька Рите с Никитой, когда Хохряков с Настенкой поднялись по лестнице. – Кровати вам приготовлю. Одежу найду. – И снова недовольно поджала губы. – Свалились на мою голову, носись теперь с вами! И так работы невпроворот, еще и вы! Зачем только Митрофан Ильич оставил вас здесь? Да и вообще, кто вы такие – непонятно! Откель взялись?

– Да сколько можно говорить – квест это, игра! – рассердилась Рита.

– Мы сами не знаем, как попали сюда! – сказал Никита.

– Ой, перестаньте, такого не бывает, – оборвала его Дунька. – Ладно, ждите, скоро приду.

Мерцающее пламя свечи исчезло в глубине коридора. Большая гостиная погрузилась в темноту. Никите стало не по себе.

– Надо же, какая злющая, – послышался голос Риты. – За-метил?

Никита кивнул, как будто бы в темноте это можно было увидеть.

– Вот кто настоящий вампир, – продолжала Рита. – Или как они их называют – упырь. Зомби – по-нашему. Чувствую, так оно и есть.

Никита ничего такого не чувствовал. Его захлестнула тревога.

– Йес! – неожиданно взвизгнула Рита, да так громко, что Никита вздрогнул. – Скажи – клевый квест! Ништяк! При-кинь: Зюзева, Князева, Тюльнева от зависти лопнут, когда узнают! Облезут!

На улице завыл ветер. В его завывании было что-то зло-вещее, не предвещавшее ничего хорошего. На Никиту упало несколько капель – видать, опять открылось окно, и комнату заливало водой. Рядом с ним что-то шмякнуло, и теперь уже откуда-то снизу донесся голос Риты:

– Тьфу ты, да где же они? Ой-ой-ой, не наступи только на меня! Стой смирно, а то я ползу!

Что за дурь? Куда она ползет? Угораздило же ему попасть в игру вместе с этой Семикотовой!

– Что ты там ползаешь? – рассердился Никита.

– Че-че! Туфли ищу! Тьфу ты, еще и в платье запуталась!
В конце гостиной забрезжило пламя свечи.

– Опять окно открылось! Да что ж это такое! – в сердцах воскликнула Дунька. – Ждите, я сейчас.

Снова стало темно, потом опять забрежило пламя – это Дунька появилась с ведром и тряпкой. Было слышно, как она закрывает окно, собирает воду.

– Ну и ветрище! Ураган целый! Сейчас ведро унесу!

Гостиная снова погрузилась в темноту.

Никита почувствовал, как устал. Ноги гудели. Весь этот странный сегодняшний день пронесся перед глазами – и вот он здесь, еле стоит и думает только о том, чтобы поскорее лечь, закрыть глаза и проснуться в своей кровати.

Откуда-то снова вынырнула Дунька.

– Но где вы? Пойдемте! Сил уже никаких! – Она приблизилась к Никите. – А дылда где?

– Я тебе дам дылду, – послышалось снизу. – Посвети лучше, нащупать не могу. Ой, осторожно, не наступи!

– Где она?

– Да вот рядом со мной, да и с тобой тоже, – ответил Никита, – ползает.

– С чего это? Ой, кажись, я на что-то наступила.

– На платье мое наступила, бестолочь! Говорю – осторожно! Не понятно, что ли – человек на полу! Свети давай! Да вот она я, ниже нагибайся! Ну все, нашлись, – сказала Рита, поднимаясь и надевая туфли. – Уф, испугалась. Думаю, иг-

ра закончится, а я без туфлей. Как домой-то идти? Босиком через весь поселок?

– Опять игра! – рассердилась Дунька. – Спать давно пора, а у вас все игры! Дай сюда, посмотрю хоть, что за обутки у тебя! – Она нагнулась, посветила на туфли. – Ну и каблучище! То-то я смотрю, длинная ты больно! Прямо как жирафа. Все, пойдемте!

Рита с трудом поковыляла за идущими впереди Никитой и Дунькой. «Да когда же это закончится, – думала она. – Скорей бы уж упасть на подушку и...»

Вдруг пламя свечи замерло. Это остановилась Дунька.

– Иди за мной, – сказала она Никите, – а ты жди здесь!

Никите показалось, что они вошли в тесную кладовку, у стены которой стояла одна кровать.

– Здесь будешь спать. На Гришкином месте. – Голос Дуньки дрогнул.

«Который неживой», – подумал Никита. Впрочем, сейчас ему было все равно, чье это место, скорей бы заснуть. – Одежда на сундуке. – А вот сапог нет. В своей обуви ходить будешь. – Взглянула на ноги Никиты. – Туфли-то у тебя странные... Ненашенские туфли-то. Да и вообще... В общем, так. Встанешь завтра – и за работу. Стайку уберешь, дров наколешь, воды наносишь... Аль не умеешь?

– Все я умею, – буркнул Никита, которому уже не терпелось лечь на место Гришки, который неживой.

– Да, вот еще, – Дунька достала из кармана свечку, зажгла

от фитилька своей свечи, протянула Никите. – Много не жги. Устроишься – и гаси.

Глава 8

Никита быстро разделся, лег. Кровать оказалась жесткой, неприветливой. В тело впилось что-то твердое. «Без матраца, что ли, она», – подумал он, встал, нащупал в темноте тонюсенький матрасик, кажется, соломенный. И как бедный Гришка здесь спал?

Никита закрыл глаза, но сон не шел. Он чувствовал, как к нему подкрадывается страх, обволакивает со всех сторон, да так, что он не может пошевелинуться. И этот страх шел вовсе не изнутри, а наплывал на него со всей Берёзовки – огромный, всеобъемлющий... Как будто бы страх всех березовцев, которых донимали упыри, решил занять в Никите прочное место.

– Упыри или зомби – это мертвецы, восставшие из могил, чтобы пить кровь живых людей или поедать их плоть, – вспомнил Никита и невольно вздрогнул.

...Екатерина Александровна говорила, что чем больше вы будете знать о своем герое, тем достовернее сможете показать его внутренний мир. Чтобы показать внутренний мир Хомы, который погиб, боясь нечистой силы, Никита и стал этой силой интересоваться. Забавно, конечно, было читать о ней в Интернете. Чего только не напридумывают люди! И

вот теперь в памяти вставали строки, которые еще вчера вызывали смех. Только сейчас было не до смеха.

«Существует множество признаков того, что в деревне действуют упыри, – это может быть ниоткуда взявшийся мор, падеж скота, засуха или стихийное бедствие... Часто упырь принимает облик мертвеца с оскаленными железными зубами, глаза которого горят адским огнём».

Никита уже пожалел, что так быстро задул свечку. Вокруг была абсолютная, непривычная темнота. За окном продолжал зверствовать ветер, и ливень стучал с такой силой, что дрожало стекло. Никита боялся, что оно вот-вот разобьется под натиском бушующей стихии.

«И тогда в комнату ворвется мертвец с железными зубами», – подумал он и почувствовал, как поднимаются волосики на руках. А там, за окном, что-то продолжало ухать, гроыхать, падать...

«Неужели это на самом деле признак того, что в деревне расплодились упыри? Ну, может, не расплодились. Может, всего-то один упырь, – продолжал размышлять Никита, но тут же попытался убедить себя в обратном, – да что за глупости! Упырей не бывает, это все людские домыслы». Но от этого не становилось спокойнее.

Ветер стих. Похоже, ливень превратился в обычный дождь.

Бум-бум! – стучало сердце.

Бум-бум! – стучал дождь.

Никита почти провалился в сон, когда с улицы донеслись странные звуки. Открыл глаза, прислушался – странные звуки приближались. Что это? Да это же... смех! Смех, который назвали в газете сатанинским. И вот он уже совсем рядом – ворвался в каморку и теперь, казалось, мечется из угла в угол.

Никита забрался под одеяло, заткнул уши. Смех как будто бы прекратился, но на смену ему пришли другие звуки.

Шарк-шарк... Шарк-шарк... Кто-то явно приближался к его кровати. Шарк-шарк...

Неизвестно, сколько пролежал так скованный страхом Никита. Когда все стихло, заставил себя высунуться из-под одеяла. Никого! По темному оконному стеклу мирно стекали капли дождя.

Бум-бум... Бум-бум... – стучал дождь.

Бум-бум, – стучало сердце...

Никита и не заметил, как заснул. И тут его словно втянуло в какую-то темноту, не в ту, какая была за окном, а в другую, и вот он уже несется в этой темноте, не разбирая дороги, падает, поднимается, бежит снова, и вдруг оказывается на висячем мосту, бежит по нему, преодолевая страх, и слышит сзади чье-то шумное дыхание, которое все ближе и ближе... Потом сильный толчок – и вот он, переброшенный через низкое перильце, летит в черный бушующий поток.

Глава 9

– Здесь спать будешь, – сказала Дунька Рите, когда они вошли в комнату. – Еле придумала, куда тебя уложить.

– Зде-есь? – опешила Рита, показывая на лежащий на полу матрац.

– Ты, поди, думала, что тебе перину приготовили?

– А что там, внутри?

– Внутри чего?

– Ну, матраца этого.

– Не матрац это, а тюфяк! Солома внутри. Неуч! Все, ложимся, завтра рано вставать. Дел невпроворот.

– Я-то тут при чем? Мы здесь у вас вроде гостей...

– Ага, гостей, которых никто не звал. – Дунька задула свечу, улеглась на кровать – та недовольно заскрипела.

– Ты чего это! – возмутилась Рита. – Я же раздеться не успела.

Ответом ей был громкий храп.

Рита сняла платье, бросила на пол, но сон не шел. Твердо, непривычно, темно. И... тесновато как-то. Дома-то у нее кровать просторная, чуть ли не двуспальная. Мягкая, а в углу комнаты – ночник в виде зайчика. И когда бы Рита ни проснулась – зайчик как будто бы охраняет ее сон. Здесь все по-другому...

Рита снова представила, что будет, когда Тюльнева, Зюзе-

ва и Князева узнают о том, что случилось с ней и Никитой. Да они от зависти лопнут!

Тут Рита вспомнила, что с завтрашнего дня начнутся летние каникулы, и она вряд ли с ними встретится... Но ради такого случая что-нибудь, да придумает. Ой, что будет! Умереть не встать! Рите стало так смешно, что она громко расхохоталась.

– Чего ржешь? – донеслось с кровати, и опять послышался богатырский храп.

Тюфяк оказался твердым, Рита долго пристраивалась, ворочалась и все-таки не заметила, как заснула.

А потом вдруг проснулась. Открыла глаза. Темно. И в этой темноте плыл огонек свечи, потом исчез за дверью и опять стало темно... «Кто это? Дунька? – вяло подумала Рита. – Ну кто ж кроме нее? Куда она? Зачем?» – и снова погрузилась в сон.

Глава 10

Утро! Никита понял это, еще не открывая глаз. Чувствовал – в комнате уже светло, пора вставать, помогать родителям по хозяйству. И хотя уже начались каникулы, Никита не собирался залеживаться в кровати.

Все так же, не открывая глаз, Никита сладко потянулся и вспомнил... Что за жуть приснилась? Дом Хохрякова, странные люди – Митрофан Ильич, Матрена Ивановна, Настена,

ворчливая, недовольная Дуняшка с рыжей челкой... разговор об упырях, сатанинский хохот... Жуть, одним словом!

Как хорошо, что это – всего лишь сон! Сейчас встанет, выйдет на кухню – а там уже родители пьют кофе, готовятся к рабочему дню.

– Привет, Никитос! – скажет отец. – Ну и как наш с мамой подарок?

Никита вздрогнул. Похоже, разговор с Хохряковым – никакой не сон, а странная игра, в которой оказались они с Ритой и которая, возможно, закончилась (хорошо бы!). А возможно, и нет... Ну, такого-то, конечно, не должно быть... Дома он, наверное, дома, где же ему еще быть!

Никита протянул руку вверх – если он в своей комнате, то коснется бра, висящего над головой. Никакого бра не нашупал...

Он приоткрыл глаза. Да, это не сон. Это – продолжение игры. Малюсенькая комнатка – вот, оказывается, в каких условиях жила прислуга Хохряковых. Тот же скотник Гриша, которого, как говорят, уже нет в живых.

А ну-ка... Никита напряг память. Точно! В том месте, где он сейчас лежит, в библиотеке XXI века расположен туалет! А кровать находится как раз на месте унитаза! Он даже расхохотался от такого открытия.

Да, сто лет назад о таких туалетах, наверное, можно было только мечтать! А многие о них и не слыхивали! Деревенские, так уж точно!

Но почему так тихо? Дома Никита просыпается от заливающего пения петуха, от квохтанья куриц, здесь же царила полная тишина.

Взгляд его упал на скамью, на которой лежали, как он понял, Гришкины вещи. Поднялся, вместо зарядки наклонился несколько раз вперед, вправо, влево – подошел к одежде. Преодолевая брезгливость, рассмотрел рубашку – она оказалась с длинными рукавами, из грубой ткани в серо-синюю клетку. Потом рассмотрел штаны – широченные, темно-синего цвета и тоже из грубой ткани. Рядом с ними лежала веревка – видимо, Дуняшка приготовила ее для того, чтобы Никита подвязал штаны. Ну, чтобы не падали. И не зря. Но они оказались не только широкими, но и длинными, пришлось подогнуть штанины. Потом подумал: надо ли рубашку заправлять в штаны? На фотографиях все мужики стояли в рубашках навыпуск. Значит, и он должен выглядеть так же.

На полу, рядом с кроватью, комом лежали наспех снятые джинсы и футболка – торопился ведь поскорее лечь спать.

В кармане джинсов Никита нащупал смартфон. Вот дурачина он, дурачина! Причем, дурачина в квадрате! Дурачина – потому что ночью, дрожа в темноте от страха, не догадался хотя бы на короткое время включить гаджет. Пусть ненадолго, пусть неяркий, но все же был бы свет. А дурачина в квадрате – потому что не догадался позвонить домой, предупредить, что он, возможно, задержится!

С замиранием сердца набрал номер маминого телефона.

Еще немного – и он услышит ее голос. Или отца... Увы – тишина.

Абсолютная тишина. «Надо посмотреть эсэмэски», – подумал Никита. Может быть, там написаны правила игры? Но и здесь его ожидало разочарование.

А гаджет между тем начал разряжаться – на экране высвечивалось 79 % зарядки...

Никита вспомнил инструкцию, которую прочитал на кладбище учитель Юрий Николаевич. Выходит, если до окончания зарядки они с Ритой не выйдут из игры, то навсегда останутся в 1916 году? Прекрасная перспектива!

Посмотрел на окно, и тут же перед глазами встала минувшая ночь: неистовый ветер, ливень, сатанинский смех, шаркающие рядом с кроватью шаги. Шарк-шарк... Снова стало не по себе. Пребывание здесь, судя по всему, оказывается не только непонятным, но и... опасным.

Но что, что он должен сделать, чтобы закончилась эта странная игра? Он не знал и даже предположить не мог. А это было самое страшное.

На мгновенье Никиту охватил приступ отчаянья. Но он сказал себе, что отчаянье – плохой помощник. Надо взять себя в руки и идти в стайку. И тут он вспомнил одну важную вещь... Нужно немедленно тайком пробраться в большую гостиную... Хорошо, если ЭТО еще там. Может быть, хоть тогда что-то прояснится?

Глава 11

ЭТО, то есть газета, которую Хохряков дал вчера им с Ритой, чтобы проверить, умеют ли они читать, лежало на полу.

Схватив ее, Никита бросился обратно в комнату скотника Гришки. А ну-ка... Ага, вот, на третьей странице статья, чуть ли не на всю полосу. А ну-ка, что там?

«Упыри выходят из могиль

...Жители Берёзовки жалуются на массовый падеж скота, даже несмотря на ощутимую помощь со стороны известного местного провизора Василия Булдыгерова».

При виде этой фамилии Никита почувствовал озноб. И здесь Булдыгеров!

«— Я использую новейшие лекарственные препараты, выписанные из-за границы, — сказала онъ в беседе с нашим корреспондентомъ, — но я не Господь Богъ и не могу сделать больше своихъ возможностей. Я считаю, что в массовой болезни скота в Берёзовке виноваты еще какие-то силы...

Похоже, намъ удалось приблизиться к пониманию причины этого явления. По свидетельству березовцевъ, поздней ночью во многихъ дворахъ слышен своеобразный, какъ они выразились, жуткий смехъ.

Те же, кто посещалъ в последнее время кладбище, чтобы почтить память недавно усопшихъ родственников, отмечают, что земля у некоторыхъ старыхъ могиль сильно

разрыхлена.

Чтобы прояснить ситуацию, мы связались со специалистом-вурдалаковедом краевой столицы Ю. А. Морковниковым. Вот что онъ сказалъ:

– Скорей всего, в Берёзовке наблюдается активизация нечистой силы. В последнее время нередки случаи, когда упыри, или, как ихъ еще называют, вурдалаки, выходятъ по ночам изъ могиль и устремляются в знакомые имъ места. Характерным признаком ихъ появления является массовый падежъ скота, а также громкий сатанинский смехъ, от которого стынет кровь. Еще одним доказательством появления упырей является отмеченное жителями характерное разрыхление земли возле некоторых могиль. Трудно судить, насколько это явление массовое, но даже одинъ упырь способен принести много бедъ.

– Расскажите, как выглядят упыри, или, какъ ихъ еще называют, вурдалаки...

– Не так давно бытовало мнение, что упырь принимает обликъ мертвеца с железными зубами, глаза которого горять адским огнём. Но, как показывает практика, они могутъ принимать абсолютно любой обликъ. Упырь можетъ быть похожимъ на седовласого старика, на приличного молодого человека (даже подростка или ребенка!), на хорошенькую девушку. В некоторых случаях (что, впрочем, бывает довольно редко) упыри проходятъ сквозь стены и могутъ появиться какъ бы ниоткуда».

«Ну, теперь понятно, почему нас приняли за нечисть», –

подумал Никита и продолжил читать.

«— В наших краях довольно долго не было упырей. Все они мирно спали в своих могилах. Чем объяснить их внезапную активизацию?»

— Трудно сказать. Исследования, проведенные 45 лет тому назад в Калифорнии, выявили прямую связь между длительным периодом сильной жары — свыше 50-ти градусов — и тотальным выходом из могил вурдалаков. Но в наших широтах такой жары не бывает, поэтому невозможно провести корреляцию между погодными условиями и появлением вурдалаков.

— Еще один вопрос: что же все-таки делать березовцам?

— Я уже говорил: не выходить без надобности из дома в темное время суток. Если же вурдалак встретится вам днем под видом незнакомого человека, нужно объединиться в группу и, обезглавив его, вбить в левую половину груди осиновый копь.

— Существует ли иное средство от упырей? Может быть, какие-то ритуалы, заговоры, молитвы?

— Самое эффективное я только что назвал: поймать упыря, обезглавить и вбить копь в левую половину груди. Но сделать это практически невозможно из-за того, что он может принимать не только разный облик, но и быть совершенно невидимым. По поводу ритуалов, заговоров и молитв — эти действия, насколько мне известно, совершенно неэффективны.

— В таком случае, чего бы вы пожелали березовцам в непростое для них время?

– Смирения...»

Смирения. Ничего себе! Никита в раздражении бросил газету на кровать. Сидите, мол, ждите, пока вся скотина передохнет, и вурдалак за людей, то есть за вас, читателей, возьмется. А полиция где же? А государственные программы по истреблению упырей?

Вот интересно: если б газета попалась ему на глаза в ТОЙ жизни – статья ничего, кроме смеха, не вызвала бы. Это ж надо – интервью с вурдалаковедом! Но сейчас...

Никита задумался. Выходит, нечистая сила, упыри, в том числе, о которых он читал только в сказках и в произведениях Гоголя, существуют? По крайней мере, в этом, дореволюционном, времени? Тогда куда они делись сто лет спустя? Неужели удалось расправиться с каждым упырем? Поймать, умертвить, забить осиновый кол? Почему об этом нигде не написано, никто не говорит и не вспоминает?

Просто удивительно, как Митрофан Ильич поверил, что они не вурдалаки. А вот Настена с Дунькой – скорее всего, нет. Не ровен час – убедят Хохрякова, что они с Ритой все же упыри. Нужно как-то развеять их сомнения, подружиться, что ли. Это-то как раз труда для Никиты не представляло. Гораздо сложнее понять, ЧТО нужно сделать, чтобы выйти из игры?

Глава 12

Этот вопрос ни на минуту не давал Никите покоя. Он вздохнул, вышел на крыльцо. Обошел дом. Оказалось, что к хохряковскому дому примыкает довольно обширное, огороженное высоким забором подворье, вдоль которого растянулись постройки. Вот летняя кухня, в которую, судя по всему, еще только собираются переезжать, курятник без единой несушки – но на настиле лежит несколько перьев, значит, еще совсем недавно здесь раздавалось веселое кудахта-нье и жизнерадостный крик петуха («тоже, наверное, проделки упыря» – подумал Никита), дальше – стайка, которую он должен почистить, за ней, под навесом – довольно большая поленница дров, баня и, в отдалении от всего, в самом углу – туалет в виде аккуратного белого домика. Центральную часть подворья занимал сад с цветущими яблоньками-дичками. Осенью эти яблоньки дадут плоды: яблочки чуть больше горошины, есть которые из-за кисло-терпкого вкуса практически невозможно.

Было прохладно, свежо и тихо. О разбушевавшейся вчера стихии напоминали сорванные ветром и прибитые ливнем, а теперь беспомощно лежащие на земле цветы яблонек. Но большая их часть все-таки уцелела и осталась на кустах.

Никита не удержался, зашел в беседку. Устроился на то место, на котором была запечатлена на фотографии Насте-

на, осмотрелся. Отсюда хорошо видно и крыльцо, и все подворье. Прекрасное место для шпиона, подумал он. И тут же заметил, что на втором этаже дома, в углу, противоположном крыльцу, находится дверь, к которой примыкает широкая лестница. Выходит, в дом можно войти и с центрального входа, и через второй этаж. Но что там, за этой дверью? На эту тему Никита размышлять не стал. Не до того уже было. Он выскочил из беседки и устремился к белому домику.

Сделав все дела, Никита бодрым шагом двинулся к стайке. Но буквально через минуту сначала замедлил шаг, потом остановился.

Нет, не может быть...

Как всегда в таких случаях, захотелось убежать. Но – куда? Вытаращив глаза, Никита смотрел на стоящего перед ним... Арсения Булдыгерова.

Глава 13

Как отвратительно, оказывается, спать на тюфяке! Рита долго ворочалась – узко, твердо, даже бока заболели, но, наконец-то, заснула. И как награда – сон, в котором она кружится в вальсе и с кем – с артистом, который играет главную роль в ее любимом сериале! Вот он склонил голову и громко зашептал:

– О, Рита, Рита! Как вы прекрасны! Надеюсь, вы не будете против, если я попрошу режиссера ввести вас в качестве

ведущей актрисы в сериал под названием «Любовь оборотней».

– Я согласна! – пылко ответила Рита, и в этот момент кто-то схватил ее за плечо и начал трясти. – Конкуrentки! – поняла она. – Совсем обнаглели!

И закричала:

– Да отстаньте вы от меня!

– Ага, отстану, не дождешься! Вставай! – послышался уже знакомый голос, который Рите показался отвратительным!

Рита приоткрыла глаза. Дунька!

– Че надо?

– Проспали! Квашню заводить срочно!

– Что за чушь? Какая квашня? – снова погружаясь в сон, подумала Рита, повернулась на бок и...

Артист любимого сериала ждал от нее ответа.

– Конечно! – пылко сказала Рита. – Когда и куда приходиться?

Опять тот же голос:

– Вставай давай!

– Да отстань ты! – сердито крикнула Рита и натянула на голову подушку. Вот пристала!

– Ну, погоди у меня! – донеслось до нее. На какое-то мгновение стало тихо. Рита перевернулась на другой бок и почувствовала, как новый знакомый обнимает ее за талию. Рита сладко причмокнула и отбросила подушку в сторону. И в этот самый момент кто-то сорвал с нее одеяло и обрушил

чуть ли не ведро ледяной воды.

Рита вскочила.

У дверей с кувшином в руке стояла Дунька.

– С ума, что ли, сошла! – закричала Рита. – На спящего человека! Водой! Чуть сердце не разорвалось!

– У тебя разорвется, ага, – сказала Дунька. – Работы столько, а она дрыхнет!

Рита осмотрелась. Вот, оказывается, где она спала: в длинной узкой темной комнате с малюсеньким окошком. Вдоль стены – деревянная кровать, напротив, чуть ли не впритык к ней – тюфяк. В углу, рядом с кроватью, сундук.

– Ну че встала как столб! – закричала Дунька и бросила в Риту какую-то тряпку неопределенного цвета. – Тебе Митрофан Ильич что сказал? Мне помогать! Быстро одевайся, да на кухню!

Рита развернула тряпку – нечто похожее на сарафан.

– Фу, некрасиво! – сморщилась она.

– Совсем, что ли? Тебе, может, заморское платье дать?

Рита напялила сарафан и сморщилась еще больше: ну и дурацкий же! Из какой-то грубой ткани, и фасона дурацкого. Ясно дело, чей сарафан, Дунькин, чей же еще?

Рита потянулась к туфлям.

– Ты че, собралась в них хозяйничать?

Рита вспомнила, сколько мучений доставили эти туфли вчера, и отбросила их в сторону.

– Тогда дай мне какие-нибудь тапки, что ли!

– Да где же я на твою лапу найду? Нога-то у тебя, как у солдата! Босиком будешь ходить. Ниче с тобой ни случится. В общем, умываться – и ко мне!

– А где умываться-то?

– На кухне мы умываемся. Да, если до ветру сходить – то это там, в конце сада.

– Как это – до ветру?

По лицу Дуньки без труда можно было прочесть: «Что с дуры возьмешь?». Но она, еле сдерживаясь, продолжала:

– Ну, в нужник!

– Какой нужник?

– Ой, да что же это такое! Как же это по-французски На-стена говорила... С... С... Сортир!

– Ну так и сказала бы – туалет! Так он что, на улице?

– А где ж он должен быть? Конечно, на улице!

Рита сморщилась еще больше: тюфяк – твердый, сарафан – ужасный, еще и туалет на улице. Она в такие не ходила-то никогда – у них в коттедже теплый, как и положено.

– Между прочим, сортир-то – только у нас! – с гордостью добавила Дунька. – То есть, у Хохрякова. Больше ни у кого сортира нет.

– А деревенские куда ходят?

– Да куды придется! Все, делай свои дела – и на кухню.

– А кухня где?

– Зайдешь в дом и направо.

Понятно. Там, где в библиотеке расположен абонемент.

Дунька ушла. Рита задумалась. Ну ладно, по дому ходить босиком еще можно, а в сортир, как сказала Дунька, как пойдешь? Ночью шел дождь, наверняка в саду мокро, лужи кругом.

Рита надела одну туфлю, другую... То ли ноги за ночь опухли, то ли туфли удивительным образом ссохлись, но в них не только идти – стоять было невозможно. Она сделала несколько шагов – и что же? Пальцы уперлись в носки, задники впились в мозоли на пятках. Да еще эти шпильки высотой в десять сантиметров!

Стиснув зубы, Рита вышла в темный коридор. Впереди брезжил слабенький свет. К нему-то, как на ходулях, и поковыляла она со скоростью улитки. Шаг, другой, третий... В одном месте пол оказался неровным, и ее повело в сторону. На мгновение Рита уперлась во что-то плечом, и почти тот час же это что-то вдруг распахнулось, и она ввалилась в образовавшийся дверной проем. «Это – конец», – подумала Рита, потирая ушибленный бок и постепенно приходя в себя после приземления. Ей повезло: падая, она то и дело натыкалась на какие-то препятствия, и это смягчило силу удара. При этом сверху на нее валилась всякая всячина. Рита поняла: она грохнулась в чулан, задевая полки. Для того чтобы встать, нужно было освободиться от упавших на нее вещей. Но... что это? Рите показалось, что в руках у нее нечто похожее на тапочек. Может быть, есть и второй?

Порывшись в отброшенных ею вещах, нащупала еще

один, такой же. Теперь осталось выползти из чулана и оценить находку.

Сняв туфли, Рита босиком вышла в прихожую. Находкой оказались кожаные сапоги с обрезанными голенищами. Почти что тапочки! Видать, хохряковские. Рита примерила – конечно, большеватые, размера на три, наверное, больше, но как в них ногам хорошо!

Не снимая «тапочек» и взяв в руки туфли, она двинулась обратно по коридору. Только бы Дунька не хватилась ее: увидит, что Рита натворила в чулане, раскричится.

Нащупав дверной проем, бросила в темноту туфли, закрыла за собой дверь.

Теперь можно идти в... как назвала Дунька-то? А, в сортир!

Глава 14

Да, это был Арсений Булдыгеров, который не отрываясь смотрел на Никиту.

«То ли чудится, – подумал Никита, – то ли Арсения, как и нас, забросило в эту игру».

Арсения, его злейшего врага.

Да нет, Арсений не враг. Враг – это противник. Но разве можно назвать противником человека, при виде которого ты как безумный перебегаешь на другую сторону улицы или прячешься, неважно где, лишь бы он тебя не увидел. Ведь

если увидит – мало не покажется. В лучшем случае скажет какую-то гадость и врежет напоследок. В худшем... Нет, об этом лучше не вспоминать.

Да, это – Арсений! С тонкими, словно ниточки, губами, с прыщеватым лицом и маленькими рыбьими глазками... Только смотрели эти глазки на Никиту не зло и насмешливо, как обычно, а с удивлением и даже, кажется с затаенным страхом.

Да и одет он был по-другому. Не как ТОТ Арсений. Почти как Никита сейчас – в такой же клетчатой рубаше и синих штанах, только, в отличие от него, заправленных в сапоги.

– Арсений... – пробормотал Никита еле сдерживаясь, чтобы все-таки не рвануть по привычке куда глаза глядят от Булдыгерова-младшего.

– Гришка? – протянул Арсений. – Ты... – Потом, взглядевшись, облегченно вздохнул. – Нет, не Гришка. А я уж подумал... А ты кто вообще будешь-то? Откудова?

Тут только Никита окончательно убедился, что это вовсе не тот Арсений, от которого он привык шарахаться, а его, наверное, прапрапрадедушка.

– Да я это... – начал Никита, мучительно соображая, что бы сказать. – Из соседней деревни я. Завираево. Скотник я. Вместо Гришки...

Арсений бросил быстрый взгляд на обувь Никиты, кивнул.

«И зачем я ляпнул про Завираево? – подумал Никита. –

Ведь нет никакого Завираева в округе-то».

Но, глядя на лицо Булдыгерова-младшего, успокоился: тот, видать, пропустил это мимо ушей. И точно:

– Понял теперь, – кивнул Арсений. – Я уж испугался, что это Гришка... Его же, говорят, того... А ты просто в робе его. Да, а имя-то мое откуда знаешь?

– Митрофан Ильич сказывал. – Тут пришла очередь Никиты спрашивать. – А куда Гришка-то делся?

– Дык кто ж его знает. Упыри, говорят, по деревне шастают, вот на Гришку-то и напали. И чего искал ночью в поселке – неизвестно. Ну все, мне пора... Дел невпроворот.

– Подожди, – остановил его Никита. – Расскажи хоть в двух словах – что тут творится...

– Так ты и впрямь ничего не знаешь?

– Не-а...

– Ну, теперь все ясно! А то я думаю: чего это он? Ведь только ненормальный может на работу в наши края устроиться. Тогда слухай, – Арсений приблизился к Никите, зашептал: – Мертвяки из могил поднимаются, по деревне по ночам шастают, мор на животину наводят. Начали с мелочи. С кур да петухов. Вишь, ни одной не осталось? Потом за коров взялись. Если б не дядька мой, провизор – Василь Васильич Булдыгеров – от животины бы давно ничего не осталось. Помогает он здорово, чуть что – все к нему в амбулаторию бегут. А я, как видишь, на подхвате. С утра до вечера дворы обхожу, точнее, стайки, смотрю, че у кого как. Да еще

ночью... Ты ночевал-то здесь?

– Ну, здесь...

– Чего-нибудь слышал ночью?

– Слышал, – тихо сказал Никита. – Жуть.

– Вот то-то же! Жуть!

– А это... Нечисть-то эту пытался хоть кто-то остановить? – спросил Никита.

– Ты че? Боятся все. По домам сидят. Никого с места не сдвинешь. Ну все, некогда мне, покедова!

Арсений добежал до калитки, потом вернулся.

– Да, слышь... Ты к Дуньке-то присмотришь. Что-то в ней такое... В общем, бывай!

Скрипнула калитка, скрылся за ней Арсений.

– Ужо за работой? – послышался голос Митрофана Ильича. – Молодец! А с виду такой... Антиллегентный. Никогда бы не поверил, что стайки умеешь чистить.

– Умею, – сказал Никита. – Я все по хозяйству умею. Даже квашню заводить и блины печь.

– Ну надо же! – удивился Мирофан Ильич. И тут же перешел к другому. – Спал-то как? Слышал что-нибудь?

– Конечно...

– Вот то-то же. Теперь, поди, понял, почему я вас вчера за нечистую силу принял... Ну все, бывай, приехали за мной.

Тут только он заметил, что лицом сер Митрофан Ильич, говорит с трудом.

Никита выглянул за калитку – кто это приехал за Хохря-

ковым? Не личный же автомобиль?

Нет, Хохряков садился в двуколку.

– Но! – сказал кучер, и тощая лошадка медленно двинулась по дороге.

«И эту, наверное, вурдалак укусил, – подумал Никита. Ходит полуживая... А может, полумертвая?»

И вошел в стайку.

Стайка у Хохрякова оказалась немаленькой, коровы на три, наверное, а то и больше, но была она... пуста! Неужели всех его коровушек подкосила болезнь? Приглядевшись, Никита заметил в углу что-то рыжевато-коричневое, что в потемках различить было почти невозможно. Бычок! Небольшой, месяца три, наверное, но болезный! Никита сразу это почувствовал. Приблизился – бычок в сторону дернулся, испугался. Головенку опустил, – чувствуется, тяжело ему. Дыхание прерывистое, взгляд мутный...

– Ну, привет, Тема, – сказал Никита и погладил его по рыжевато-коричневому боку. Тощим оказался бок у Темы, ребристым, прямо как стиральная доска, которую видел Никита в школьном краеведческом музее. В руке остались ключья шерсти. Н-да... Плохо дело...

Спроси у него, почему назвал бычка Темой – не ответил бы. Тема, да и все.

Выходит, и впрямь разгуливают по ночам вурдалаки. Проникают в стайки (а что не проникнуть, когда все открыто), сосут у скотины кровь, заносят инфекцию с кладбища. Вот

тебе и болезни!

– Ничего себе игра! – подумал Никита. Какая же это игра! Это – жизнь! Настоящая, жестокая, только чужая для них с Ритой. И вот в этой чужой жизни они и оказались.

Потом он вспомнил о встрече с Арсением Булдыгеровым. Об их разговоре. Он ведь не испугался. Почти... Ну, было немного вначале, а вообще-то ведь – неплохо пообщались. Совсем неплохо. Да и чего его Никите бояться? Арсения-то? Ростом они одинаковые, оба – тощие, как вобла. Так неужели же Никита, если надо, не сможет ему дать отпор? До сих пор – не мог...

А может, смысл игры в том, чтобы он сумел преодолеть страх перед Булдыгеровым-младшим? Так он сделал это. Почти... Но все равно же сделал! И, может, на телефон уже пришло эсэмэс-уведомление: «Готовьтесь, товарищи – Никита и Маргарита – к отправлению в свое время».

Никита опрометью бросился в дом, достал из кармана джинсов смартфон, дрожащими пальцами прикоснулся к кнопке, собрался с духом, прежде чем посмотреть, что же там высветилось... Ничего! Нет, нет и нет! Зато зарядка таяла буквально на глазах – ее осталось 60 %!

– Ну что, что нужно от меня этой игре? – почти в отчаянье подумал он. – От Риты, может, и ничего – она-то, похоже, сюда случайно попала. Просто оказалась рядом – вот и попала. Но от меня-то ей что нужно?

– Никит! А, Никит! Где ты? – это голос Дуньки. – По воду

сходи!

– Иду! – откликнулся Никита, пряча смартфон опять в карман джинсов. – Куда идти-то?

– Счас ведра с коромыслом дам, расскажу, где колодец...
«Ты к Дуньке-то присмотришь, – пронеслось в голове. –
Что-то в ней такое...»

Глава 15

Солнце поднималось. На траве, на листьях деревьев блестели и переливались капельки росы. В саду, вокруг беседки, как будто бы лежал снег – это сорванные вчерашним ветром цветы с яблонек-дичков.

Рита поежилась. Прохладно! Но сон почти прошел. Хотя так хотелось бы понежиться хотя бы на тюфяке! Если б не игра – спала бы она сейчас дома до обеда, потом, пробежав в пижаме в кухню, сделала бы себе гигантский бутерброд, положила бы на живот свой любимый комп с красным корпусом и – за просмотр очередных новостей шоу-бизнеса... Потом бы за «Битву экстрасенсов», взялась, а тут...

Вдруг Рита поняла: как раз вот этого-то ей и не хочется. Сидеть весь день одной в комнате, изучать улыбки звезд, их жесты, взгляды! А потом общаться со своим изображением в зеркале – пожимать плечами, улыбаться, говорить на разный манер: то ласково, то нежно, то с металлом в голосе... Что за ерунда!

Тут – все по-новому! Да одна Дунька чего стоит! Командует Ритой и думает, будто та ее начнет слушаться! К тому же еще и злится, нервничает. Вообще, нервная эта Дунька. Дерганая. Рита дерганая, а эта еще больше. И глаза – красные, будто весь день за компом сидела. А здесь-то – какой комп? Отчего ж тогда глаза красные? Да еще с самого утра?

Да ладно, ей какое дело до Дуньки-то.

Вот, говорят, здесь еще упыри шастают! Вау! Умереть не встать! Вот увидеть бы еще хоть одного упыря. Да Зюзева, Князева и Тюльнева тогда вообще от зависти с ума сойдут!

Настроение у Риты было отличное. Дома у нее никогда такого настроения не было. Никогда! Да к тому же еще и проблема с обувью неожиданно решилась. Хохряковские обретенные просторные и мягкие сапоги – это тебе не туфли на высоченной шпильке.

Рита посмотрела на сарафан – а в принципе и он ничего. И на ощупь не такой уж и грубый. Чем-то похож на тот, в котором она должна была играть панночку во вчерашнем спектакле.

Она вошла в дом. После яркого солнца глазам стало темно. Пошарила по стене – где выключатель? Потом дошло – откуда он может быть, если нет здесь электричества? Зря, что ли, все носились вчера ночью со свечками!

Рита замерла. В стене, к которой она только что прикоснулась, было что-то такое, что заставило ее остановиться. Девочка провела рукой по гладкой поверхности – она, как и

в коттедже, оказалась почти ледяной. Такими были однажды стены в их школе, когда суровой зимой перемерзли все трубы отопительной системы. Но ледяные стены в неотапливаемом помещении при морозе в сорок градусов явление понятное. А вот когда на улице тепло почти как летом...

– Ну где ты там? – донеслось из кухни. – Сколько можно ждать?

Рита сделала несколько шагов и тут же остановилась. Кто-то очень тихо вздохнул. Она огляделась: комната была пуста. Вздох повторился. Теперь он был протяжный, безысходный, как будто идущий из глубины дома. Еще один вздох, будто умоляющий о помощи. Рите стало не по себе. Казалось, это вздыхает сам дом...

И в этот самый момент Рита явно увидела, как на стене, к которой она только что прикасалась, появились едва заметные большие буквы:

ОПАСНОСТЬ...

Стоя неподвижно, Рита вглядывалась в стену, на которой, как ей казалось, должны были появиться еще какие-то слова. Но ничего такого не произошло – в комнату вбежала Дунька.

Глава 16

– Вот где она! – закричала Дунька. – Дел невпроворот, а она застыла как каменная! – И, взглянув на Риту, всплеснула руками: – Ты на себя в зеркало-то глядела? Ты посмотри, во

что превратилась! Чучело!

Рита подошла к зеркалу, к которому подводил их с Никитой вчера Хохряков, чтобы узнать, есть ли у них отражение, и онемела. На нее и правда смотрело чучело – одна накладная ресница почти оторвалась и приклеилась к веку, подводка для глаз черными полосами растеклась по щекам, подбродок и, почему-то, нос оказались красными от губной помады. Ужас, ужас и еще раз ужас!

– Ты что, не видела, что у меня размазалась косметика?! – закричала Рита. – Почему не сказала?

– Я че, разглядывала твое лицо?! – кричала Дунька. – Нужна мне твоя рожа! Тут дел немеряно, а она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.